

Надя Делаланд

ОДИН ЧЕЛОВЕК

ПЬЕСЫ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Д29

Делаланд, Надя
Д29 Один человек. Пьесы. — М.: “ИЦ Издательские технологии”,
2022 — 72 с.

ISBN 978-5-517-04503-4

Книга пьес Нади Делаланд может быть интересна как для театров и актеров антрепризы (особенно монопьеса «Один человек»), так и для обычных необычных читателей – в общем-то, для всех, кого занимает человеческое сознание. А также для тех, кто изучает польский язык, поскольку пьеса «Дуралекс» напечатана здесь на русском и на польском))). Автор поднимает проблему важности человеческой жизни не только в процессе ее проживания, но до рождения и после смерти, говорит о ценности чувств и бесценности прощения, включается в игру с читателем на постмодернистских щах и умудряется обсудить вечные вопросы живым языком. Читая эти пьесы, вы будете улыбаться и грустить, много думать и не успевать думать из-за захлестнувших вас чувств, и, конечно, вас ждет катарсис – три раза на русском и один раз на польском))).

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Надя Делаланд. Пьесы, 2022
© София Иванова. Рисунки, 2022
© Алексей Макушинский. Предисловие, 2022

ISBN 978-5-517-04503-4

Предисловие. О пьесах Нади Делаланд

Один человек – это одновременно другой человек. Я – это не я. Я – это другой. «Но в самом Я от глаз Не-я Ты никуда уйти не можешь», – сказал еще Иннокентий Анненский. «Я» в пьесах Нади Делаланд тоже все никак не может уйти от глаз «не-я», от глаз своего «другого». «Ад – это другие», по Сартру (и да простится мне избитая цитата). Потому действие этих трех пьес происходит, похоже, в аду. Даже если оно происходит в чистилище, это чистилище периодически превращается в ад – чтобы потом превратиться в рай, и потом из рая снова в чистилище. Границы миров размыты, как и границы личности, персонажи перетекают друг в друга. Так не бывает в жизни, так бывает во сне, в «другом мире», или в литературе. Не случайно в конце третьей пьесы появляется голос Набокова и отсылки к «Приглашению на казнь». Автор разоблачает происхождение своего псевдонима и свою литературную родословную. Не сказать ли, что автор тоже захвачен вихрем метаморфоз, происходящих в его текстах? Собственно, и первая пьеса есть своего рода «приглашение на казнь» – на казнь еще не рожденных душ, которая, впрочем, не состоится. И в том, что она не состоится, есть высокая утешительность. Надя Делаланд – лирик, и природа ее драматургии тоже лирическая. Непрерывные метаморфозы, не знающее остановки, то ускоряющееся, то замедляющееся смещение перспективы – все это свойства поэзии. Персонажи перетекают друг в друга, как образы и тропы в стихотворении, как метонимии или метафоры.

При всем игровом (и лирическом) характере этих пьес, в них чувствуется традиция драматургии, ставящей то, что когда-то называлось острыми социальными вопросами. И даже больше: в них есть резко и решительно звучащий протест против несправедливости и насилия. На мгновение текст превращается в обвинительный акт – чтобы, захваченный общим лирическим потоком метаморфоз, тут же превратиться во что-то другое. Потому что (с чего мы и начали) «я» не только никуда не может уйти от глаз своего «другого», но «я» – это и есть «другой». Je est un autre, «я – это другой», если воспользоваться не менее, чем все прочее, знаменитой (и такой таинственной, так странно влекущей) формулой Артюра Рембо, которую я бы мог поставить эпиграфом к этим (тоже, хотя по-своему и по-другому, таким таинственным и так странно привлекательным) пьесам.

Алексей Макушинский

ДУРАЛЕКС

(пьеса)

общем, она такая...Такая... *(Делает неопределенный жест руками, задумывается)*. Знаешь, я как-то – не рассмотрел. Она такая... обычная...

ДЕВОЧКА *(возмущенно)*. Обычная?! Да как ты можешь так говорить о ней! Это же моя... *(Отворачивается от окошка в поисках слова, мы видим ее затылок, поворачивается... Вложив в найденное слово всю любовь и нежность.)* мама.

ПОЧТАЛЬОН *(виновато)*. Прости *(спохватывается, строго)*, а я и не должен никого рассматривать. Это не входит в мои обязанности. И вообще *(смягчаясь)*, сама потом всех рассмотришь. Я лучше расскажу тебе один бородатый анекдот. Но ты его не знаешь. Я всегда его рассказываю. Слушай. Сидят два близнеца в утробе матери. Один у другого спрашивает: «Как ты думаешь, есть ли жизнь после рождения?». А второй ему отвечает: «Не знаю. Ведь никто оттуда не возвращался».

ДЕВОЧКА *(смеется)*. Хороший анекдот! *(с восторгом)*: Да, ты прав – я сама потом всех рассмотрю! *(Выбегает из дверей домика, крепко обнимает почтальона.)* Ты прав, ты прав! Спасибо тебе, добрый вестник! *(Отпускает его. Почтальон со словами: «Доброго рождения!» уходит.)*

Девочка раскрывает створки домика, как ворота, и мы видим розовую девчачью комнатку. Она начинает там хлопотать, вытирать и сдувать пыль, наводит порядок, напевая без слов известную песню Козна «Аллилуйя». Сцена медленно поворачивается, скрывает ее и открывает другую комнату.

Эпизод 2.

Спальня, посередине стоит большая квадратная кровать, на которой лежит полуголый мужчина и переключает каналы телевизора. Из двери ванной выходит женщина, у нее встревоженное лицо, она несет в руке какой-то небольшой продолговатый предмет, издалека напоминающий градусник.

МУЖЧИНА (*мельком взглянув на вошедшую, вяло*). Кто-нибудь мне сегодня сделает завтрак? (*Женщина нерешительно топчется на месте*.) Эй! (*Продолжая смотреть в телевизор*.) Я говорю: кто-нибудь – кто-нибудь сделает мне завтрак? (*Женщина подходит к кровати и садится на край*.) Что такое? (*Удивленно смотрит на нее*.)

ЖЕНЩИНА (*слегка ошарашенно*). Представляешь... я беременна. У меня... у нас будет ребенок (*поворачивается к нему*). Даже не представляю, когда это... Наверное, помнишь, после юбилея у Мендельсонов, ты еще сказал, что любишь меня... я стану матерью...

МУЖЧИНА. Мать... матерью? погоди, погоди! О чем ты? Какой ребенок? (*Встает на кровати в трусах*.) Мы же много раз обсуждали это. Я всегда был честен с тобой. Ты помнишь?

ЖЕНЩИНА (*упавшим голосом*). Да, конечно. Я помню. Но раз так вышло...

МУЖЧИНА (*начиная злиться*). Как – вышло?! Нет, ты прекрасно знаешь мои обстоятельства. Это невозможно. Не обсуждается. Я тебя предупреждал.

ЖЕНЩИНА. Но для меня это тоже неожиданно. И не вовремя. Это ломает все наши планы. И мне страшно. Представляешь, во мне кто-то другой поселился и растет (*она расширяет от ужаса глаза*), растет, ест меня, а когда он родится – из меня начнет течь молоко... Это как фильм ужасов.

МУЖЧИНА (*энергично*). Согласен! Очень похоже. «Другие» или «Чужие» или как там? (*Показывает стремительную пантомиму, в которой из его живота мучительно и страшно появляются монстры*.) Но бояться нечего – ведь он не родится.

ЖЕНЩИНА. Смерть до рождения...

МУЖЧИНА. Я тебя умоляю!!! Если аборт – детоубийство, то онанизм – геноцид.

ЖЕНЩИНА. Давай хотя бы подумаем? Ведь так уже случилось...

МУЖЧИНА. И думать не о чем! Мы не готовы (*Переступая и путаясь в простынях*.) Я – не готов! Какой из меня отец? (*Заглядывает ей в лицо*.)

ЖЕНЩИНА (*смотрит на него внимательно*). Да, ты прав (*отворачивается*).

МУЖЧИНА. Ааа (*прищурившись и грозя пальцем, истерично*), ты просто воспользовалась мной. Так я и знал! Мама предупреждала меня! (*Несколько раз подпрыгивает на кровати, торжествуя.*) Теперь ты будешь меня шантажировать. Ну конечно! (*Наступает.*) Теперь ты будешь мне угрожать?!

ЖЕНЩИНА (*поднимаясь с кровати и отступая*). Ну подожди, я просто не могу так сразу...

МУЖЧИНА (*гоняется за ней, хрипло восклицая, она убегает*). Не можешь так сразу?! Подождать?! А там глядишь, ему уже 14 лет, и аборт делать поздно?!

ЖЕНЩИНА (*сжавшись в углу*). Ты не даешь мне возможности даже прийти в себя, не разрешаешь мне выбрать...

МУЖЧИНА (*нависая над ней*). Отчего же! (*Благородно.*) Выбирай: или ребенок – или я!

ЖЕНЩИНА (*с ненавистью, тихо*). Я выбираю тебя.

МУЖЧИНА (*успокаиваясь, подходя к ней, обнимая за плечи*). Ну вот и умница, вот и хорошо. (*Облегченно вздыхая.*) Пойду, сварю нам кофе.

ЖЕНЩИНА (*шепотом*). Мне страшно...

МУЖЧИНА. Не бойся, я же с тобой (*уходит*).

Женщина остается одна, она опускает голову, закрывает лицо руками, свет становится немного глуше, на стене тикают часы, их звук нарастает. Сцена поворачивается.

Эпизод 3.

Очередь к гинекологу. Пять человек. Шесть стульев. Наша Женщина подходит, спрашивает, кто последний, отзывается (холодно «за мной») девушка неопределенного возраста с короткой стрижкой, в очках, модно одетая, ненакрашенная – будем называть ее «феминистка». В руках она вертит трость с набалдашником в виде головы пуделя. В очереди есть изрядно беременные, большая часть сидит, уткнувшись в айфоны. Регулярно раздаются характерные

звуки приходящих сообщений. Женщина садится рядом с феминисткой на свободный стул. Из двери кабинета выходит беременная, со стула поднимается другая беременная, заходит в дверь и прикрывает ее за собой.

ЖЕНЩИНА (обращаясь к феминистке). А вы не знаете, кто там сегодня принимает – мужчина или женщина?

ФЕМИНИСТКА. Не знаю. Лучше, конечно, женщина. Хотя... Я недавно была у хирурга – пожилая, с опытом, но лезет не в свое дело. Я попала к ней с подозрением на аппендицит, она мне поставила беременность и – давай уговаривать оставить ребенка. Какое ее дело вообще? Злит страшно. Ненавижу. Сама всю жизнь прожила в рабстве и нас туда тянет.

ЖЕНЩИНА (придвигаясь и понижая голос). Простите, а вы тоже... ну... на аборт?

ФЕМИНИСТКА (громко). Да, на аборт. (Беременные оглядываются на нее возмущенно, она не замечает.) Надеюсь, здесь не будет всей этой волокиты с психологом, временем на размышления и прочей дребеденью. Придумали тоже! Это же ограничение свободы человека, а меня бесит любое ограничение свободы! Это ограничение фундаментального права человека распоряжаться своим телом и судьбой.

ЖЕНЩИНА. Простите, если это бестактно... Вы уже не в первый раз? Можете рассказать мне – как это? Как это пережить?

ФЕМИНИСТКА. Да ну бросьте! Ну как удаляют гланды? Главное, не надо в себе развивать это чувство вины. Вы ни в чем не виноваты. Женщине навязывается стыд, даются указания, что она должна делать, когда, с кем. Это не приведет ни к чему хорошему.

ЖЕНЩИНА. Да, но аборт – это же все-таки... (шепотом) все-таки аборт – это (еще тише) убийство.

ФЕМИНИСТКА. Что?!

ЖЕНЩИНА (громче, срывающимся голосом). Убийство...

ФЕМИНИСТКА. Если аборт – детоубийство, то (делает паузу) минет – людоедство (гордо озирается, продолжает, нравоучительно распляясь). Аборт – это не право на убийство, это право распоряжаться своим будущим самостоятельно. За женское тело

отвечает сама женщина, в эти вопросы не должен влезать больше никто. Вы же не спрашиваете ни у кого разрешения постричь себе ногти? Это ваши ногти и больше ничьи, делайте с ними, что вам заблагорассудится.

ЖЕНЩИНА (*робко*). Но ребенок не совсем – часть женщины, у него же даже может быть другая группа крови, другой резус-фактор, другой пол...

ФЕМИНИСТКА (*на секунду замешкавшись*). Чепуха! Все это не имеет значения! Вы просто не определились, сомневаетесь.

ЖЕНЩИНА (*печально*). Да нет, определилась, по-другому нельзя. Конечно, я не смогу родить этого ребенка сейчас, все против этого.

ФЕМИНИСТКА. Что именно?

ЖЕНЩИНА. Ну, во-первых, муж категорически против. Во-вторых, работа. Если я сейчас уйду в декрет, то все, к чему я столько времени стремилась, накроется. И мама меня не поддержит, у нее тоже работа. Я совсем одна. Но главное, мне просто страшно. Я боюсь – ответственности, когда ребенок родится. Как я справлюсь? Боюсь самих родов – это же очень страшно, смертельно страшно... Боюсь беременности. Я хочу, чтобы этого просто не было. Надо покончить с этим и забыть. Но неприятность в том, что покончить тоже боюсь, и что забыть не получится – боюсь...

ФЕМИНИСТКА (*иронично, свысока, поглаживая голову пуделя на тросточке*). Мда, тяжелый случай. Не знаю, что вам сказать. Вам просто заморочили голову все эти мифы о «детоубийстве». Надо их развенчивать. А знаете, сколько искалеченных судеб у тех, кто вовремя не решился принять меры? (*Ласково, положив ей руку на плечо.*) Вы имеете право на выбор. Не бойтесь ничего.

ЖЕНЩИНА (*эхом*). Я имею право на выбор. Главное, ничего не бояться.

Тем временем подходит очередь феминистки, она встает, заходит в дверь кабинета.

ЖЕНЩИНА (*раздумчиво*). Это мое тело. Слышишь? Ты просто часть моего тела. Я хочу, чтобы тебя не было. Да тебя еще и нет. Ты просто

несколько клеток. И ты ничего не чувствуешь. Тебе не больно. И не страшно.

Сцена поворачивается.

Эпизод 4.

Девочка гладит белье в центре своей розовой комнаты. Она прикладывает к себе поглаженное маленькое кружевное платьице, смотрит в зеркало, смеется: «Нет, пока оно мне еще маловато». Вдруг начинает мигать электричество. Утюг вспыхивает и перегорает. Дымит.

ДЕВОЧКА (испуганно). Вот это да! (Выдергивает утюг из розетки.) Что там у них творится? (Смотрит вверх.)

Распахивается окно, начинается сквозняк, шум голосов, как на вокзале, хлопает дверь, звуки прекращаются. Входит почтальон, останавливается, снимает свою шапку, кладет ее в сумку, достает оттуда головной убор палача, натягивает его.

ДЕВОЧКА. Ты не знаешь, что там у них происходит в мире?

ПАЛАЧ (охотно). Стабильности нет.

ДЕВОЧКА (любопытно). А почему ты переоделся?

ПАЛАЧ. Потому что я принес тебе плохие новости.

ДЕВОЧКА. Плохие новости?

ПАЛАЧ. Да, вот тут тебе надо подписать. (Достает бумагу и ручку.) Это разрешение на аборт.

ДЕВОЧКА (растерянно). На аборт? Но... но я не согласна!

ПАЛАЧ. Это неважно. По закону тебя еще нет. (Прячет бумагу.) Мы можем обойтись без этих формальностей.

ДЕВОЧКА. Но я же есть! Дурацкий закон.

ПАЛАЧ. Dura lex, sed lex, как говорили древние. То есть – закон есть закон.

ДЕВОЧКА. Вот именно, что дура. Откуда берутся эти ваши законы?

ПАЛАЧ (*уныло*). Они защищают право женщины на свое тело, право на выбор. У человека должна быть свобода выбора.

ДЕВОЧКА. А как же я?.. Может, они чего-то не понимают?

ПАЛАЧ (*неохотно*). Наверное... Ну что, приступим?

ДЕВОЧКА. Подожди, подожди... Может, они не знают, что мне больно? И страшно? Что я не хочу умирать?

ПАЛАЧ. Знают. Но скрывают от себя.

ДЕВОЧКА. И ничего нельзя сделать?

ПАЛАЧ. Ничего.

ДЕВОЧКА. Но это же подло.

ПАЛАЧ. Да, но злиться на них нельзя. Они же не виноваты... идиоты гребаные. Ну что, ты готова?

ДЕВОЧКА (*всхлипывая*). Нет, я не готова, подожди. Дай мне настроиться. (*Палач смотрит на часы, засекает время.*) Мне страшно. Мне очень страшно. Что со мной будет?

ПАЛАЧ. Не стану тебя обманывать. Тебе будет больно. Но недолго.

ДЕВОЧКА. А потом?

ПАЛАЧ. Потом ты будешь, но тебя не будет. К сожалению, родиться после аборта повторно уже нельзя. Ты попадешь в такое место, из которого нет выхода. Это похоже на... стеклянную банку. Или на... глубокий колодец. Там нет звуков, нет света, есть только те, от кого отказались. Они молча ползают друг по другу, хотят есть, спать и на ручки. И иногда тихонько плачут. Я не хочу обманывать тебя. Я говорю тебе как есть. Готова?

ДЕВОЧКА. Еще минутку! (*Некоторое время молчит, потом произносит спокойно.*) А мама? Как она будет жить после этого?

ПАЛАЧ (*довольно*). А вот это хорошая новость! Это зависит от тебя.

ДЕВОЧКА. От меня?

ПАЛАЧ. Да. Ты можешь пожелать ей никогда больше не иметь детей, или чтобы они родились у нее больными, она любила бы их, а они потом умерли. Ты можешь пожелать ей самой умереть от рака. В страшных мучениях. Ты можешь даже пожелать ей совершить самоубийство. Ну или просто прожить в тоскливом одиночестве всю жизнь. И так и будет, поверь мне.

ДЕВОЧКА. А могу я пожелать ей счастья?

ПАЛАЧ (*пожимая плечами*). Можешь.

ДЕВОЧКА (*серьезно и ответственно, без надрыва, спокойно*). Тогда я желаю ей счастья. Я желаю, чтобы она не болела, чтобы была здоровой и веселой. И чтобы и мысли не допускала о самоубийстве. Чтобы родила себе ребенка, когда будет к этому готова. Или даже двух... Скажи, а она дала мне имя?

ПАЛАЧ (*тщательно записывая пожелания в блокнотик*). «или даже двух...» Имя? Нет, не дала. (*Смотрит на часы.*) Прости, но я должен приступать – время не терпит. Готова?

ДЕВОЧКА. Нет!

ПАЛАЧ. Да сколько же можно откладывать?!?! Почему ты никак не настроишься?

ДЕВОЧКА (*прищелкнув языком и разведя руками*). Мотивации не хватает!

ПАЛАЧ (*подбегает к ней, она удирает, это выглядит, как игра*). Ладно, сейчас я тебя догоню!

ДЕВОЧКА (*пробегая по стульям и столу, нараспев*). Мир ловил меня, но не поймал!

ПАЛАЧ (*удивленно*). Вот это да! И откуда ты знаешь Сковороду?!

ДЕВОЧКА (*проползая под столом в другую сторону*). Какую такую сковороду? Из «Федориного горя»?

ПАЛАЧ. А «Федорино горе» откуда ты знаешь?

ДЕВОЧКА. Да кто ж его не знает!

ДЕВОЧКА (*внезапно ойкает, бледнеет, хватается за руку*). Рука отнялась. (*Смотрит на палача растерянно.*) Ой, и голова закружилась (*шатается*).

Появившиеся в комнате существа в черных облегающих костюмах, чулках на голове и белых перчатках начинают толкать ее, кружить, трясти, поднимают и опускают.

Палач тем временем достает из сумки и выкладывает на гладильную доску, предварительно застелив ее выглаженной детской пеленочкой, страшные медицинские инструменты.

ДЕВОЧКА (*жалобно кричит*). Пожалуйста, подожди, я еще не готова! Прошу тебя! (*Палач берет скальпель и идет на нее.*) Мне

страшно! Не надо!

Свет выключается. Раздается захлебывающийся детский плач. Он звучит несколько секунд. Потом резко обрывается. Некоторое время тишина и темнота.

Эпизод 5.

Комната с квадратной кроватью. За столом сидит, вытянув спину, женщина. Ее голова обмотана полотенцем. Перед ней стоит стакан с водой. Тихо тикают часы на стене. Женщина берет пузырек, капает в стакан, считает: два, три... пять, шесть, семь... (некоторые числа произносит про себя, потом снова вслух), двадцать пять, двадцать шесть... тридцать. Подносит стакан ко рту, нюхает, сморщившись, ставит на стол.

ЖЕНЩИНА *(оживленно, в зал)*. Невозможно пить эту гадость. А без нее не сплю. Не могу уснуть. Завтра важное совещание, надо быть свежей. Сон постепенно совсем оставил меня. По секрету: я боюсь засыпать. По ночам мне снится, что я ползаю в темноте в чем-то склизком, пахнущем кровью, шевелящемся, живом. И у этого копошения нет конца. Просыпаюсь в холодном поту. Этот сон первый раз приснился мне еще тогда. Сразу. В первую ночь после того, как я сделала аборт. И вроде все в жизни идет нормально. С мужем мы, правда, расстались. Не могла я его видеть после этого. Но карьера резко вверх пошла, да и мужским вниманием я не обделена. Но вот ведь в чем облом... не нужно мне все это. Совершенно не нужно. А что мне нужно? Да самая малость. Только одно. Мой ребенок. Чтобы я его не убила тогда. *(Выпивает залпом капли.)* Смешно. Стихи начала писать. Раньше даже не читала, и вот на тебе *(отрывисто и страшно смеется)*.

Декламирует:

кто я? ни имени возраста цвета глаз голоса
памяти даже ногтей и кожи
не удостоившаяся при жизни
в космосе матери в теплой полости
полной дыхания и колыхания – кто же
я если не ты? скажи мне
что они думают что у них на безумье
страшных идущих убить своего младенца?
хоррор кровавые пальцы ночная стража
режущая беспомощного беззубого
плачущего захлебывающегося всем сердцем
зовущего маму кого же еще? когда же
все уже кончено они могут ходить разговаривать
выглядеть как обычные люди даже
кажется что они не убийцы
что их души ни капельки не окровавлены
что они не уроды что их Бог не накажет
что они поступили правильно¹

Поднимается со стула, стягивает полотенце с головы, роняет его на пол. Волосы стоят дыбом. Говорит:

Господи, если бы только было возможно все вернуть. Пожалуйста, прошу тебя! (*Вид делается окончательно обезумевшим, в глазах стоят слезы.*) Ведь ты же можешь все вернуть? Я не заслужила – нет, нет – не из-за меня. Из-за нее (*плачет*). А я ведь дала ей имя... Маша. Машенька. Я никому этого не говорила, только тебе (*становится на колени*). Знаю, что невозможно – верни мне ее, дай нам еще один шанс (*ложится на пол, шепчет*). Пожалуйста... пожалуйста...

¹ Надя Делаланд «кто я? ни имени возраста цвета глаз голоса...»

Действие 2.

Эпизод 1.

Очередь к гинекологу. Женщина сидит рядом с феминисткой. Растерянно осматривается, пока феминистка говорит.

ФЕМИНИСТКА (*неожиданно грассируя, как Владимир Ильич*). Аборт – это не право на убийство, это право распоряжаться своим будущим самостоятельно. За женское тело отвечает сама женщина, в эти вопросы не должен влезать больше никто. Вы же не спрашиваете ни у кого разрешения постричь себе ногти? Это ваши ногти и больше ничьи, делайте с ними, что вам заблагорассудится.

ЖЕНЩИНА (*уверенно*). Но ребенок совсем не часть женщины в этом смысле, у него же даже может быть другая группа крови, другой резус-фактор, другой пол, наконец.

ФЕМИНИСТКА (*на секунду замешкавшись*). Чепуха! Все это не имеет значения! Вы просто не определились, сомневаетесь.

ЖЕНЩИНА (*радостно*). Да нет же, определилась! По-другому нельзя! Вы даже не представляете, какое это счастье! Как я счастлива! Конечно, я смогу родить этого ребенка. А вас я отлично понимаю, вы не думайте! Вам просто страшно. Это как в блокаду на войне женщины убивали младенцев и съедали, чтобы выжить. А когда наступало мирное время, они вешались. Потому что, если совершить подлость, то хорошо уже не будет. Никогда. Но никто не ведет этого полового просвещения. А запретами ничего не решить. Если запрещено кем-то снаружи, то запрет всегда можно обойти.

ФЕМИНИСТКА (*сухо*). Не понимаю вас.

ЖЕНЩИНА. Да я и сама ничего не понимаю. Знаете, ведь и у вас есть сейчас второй шанс. Вы тоже можете родить себе сына. Я точно знаю, что у вас будет сын. Только не спрашивайте, откуда я это знаю. Он будет таким спортивным, будет любить играть в баскетбол. С характером мальчишка. Темноволосый, смуглый... И хотя в детстве он будет капризничать из-за еды, и тяжело болеть корью, и в школе вам не раз придется краснеть из-за его проделок, и женится он на той идиотке из Солнцево с длинной русой косой – несмотря на все это вы

ни разу не пожалеете о том, что он у вас появился.

ФЕМИНИСТКА. Да вам лечиться надо. Вы не к тому доктору пришли.

ЖЕНЩИНА (*весело*). А мне вообще не надо к доктору. Мне надо домой (*уходит*).

ФЕМИНИСТКА (*вслед*). Психичка! И с чего она взяла, что у меня будет мальчик?

Из кабинета выходит очередная беременная, феминистка оглядывается – больше никого нет, заходит.

Сцена сдвигается.

Эпизод 2.

Кабинет гинеколога. За столом сидит такая же феминистка – очки, стрижка – только старая. Она что-то пишет. В кабинете кроме стола и стульев находится ширма.

ГИНЕКОЛОГ (*строго*). Заходите, садитесь. (*Указывает на стул рядом со столом.*) Пришли становиться на учет по беременности?

ФЕМИНИСТКА (*злобно*). Нет. Я пришла делать аборт.

ГИНЕКОЛОГ (*спокойно, не поведя бровью*). Отлично.

ФЕМИНИСТКА. Что именно – отлично?

ГИНЕКОЛОГ. Что вы собираетесь сделать аборт.

ФЕМИНИСТКА. Почему?

ГИНЕКОЛОГ (*поднимая глаза от писанины и откладывая ручку*). Ну как вам объяснить? Некоторым людям лучше не рожать (*смотрит на нее в упор*). Лучше некоторым людям не размножаться.

ФЕМИНИСТКА (*склочно*). С чего это вы взяли, что мне не следует размножаться?

ГИНЕКОЛОГ. Интуиция (*подняв указательный палец*). И опыт (*подняв средний*).

ФЕМИНИСТКА (*оскорбленно вскакивая*). Да ну вас всех к чертовой матери! Аборт спокойно сделать не дадут.

ГИНЕКОЛОГ. Милочка, успокойтесь. Никто не ограничивает ваши

права, напротив. Я руками и ногами за то, чтобы вы реализовали их в полном объеме. Вы у меня последняя. Заходите за ширму, я вам прямо сейчас сделаю аборт (*подмигивает*). Быстро и недорого. Только надо сначала взглянуть вас на УЗИ.

Феминистка растерянно заходит за ширму вслед за гинекологом.

ГИНЕКОЛОГ. Так... так... Сейчас будет немного холодно. Хотите знать пол ребенка? У вас мальчик.

ФЕМЕНИСТКА. Разве на таком сроке возможно определить пол?! Да что вы мне все голову морочите!

Сцена поворачивается.

Эпизод 3.

Розовая комната. В ней удивленно озирается девочка. Вбегают запыхавшийся потный почтальон с шапкой набекрень.

ДЕВОЧКА. Что произошло? Как я тут оказалась?

ПОЧТАЛЬОН. И не спрашивай. У меня сегодня сумасшедший день. Целых два возврата. И все надо оформить. Подпиши (*протягивает бумагу и ручку*). Вот здесь (*тыкает пальцем*).

ДЕВОЧКА (*берет ручку, задумывается*). А это обязательно – подписывать? Может, можно и так обойтись? Как в прошлый раз...

ПОЧТАЛЬОН. Что ты? Ни в коем случае. Надо обязательно подписать.

ДЕВОЧКА. Это имеет значение? Я – имею значение?

ПОЧТАЛЬОН. Ого! Конечно! Еще какое! (*Подмигивает ей.*)

ДЕВОЧКА (*старательно выводит подпись*). Ну хорошо. Вот. Готово.

Почтальон выхватывает у нее листок. Любуется на вытянутой руке, затем бережно складывает пополам и прячет в сумку.

ПОЧТАЛЬОН. Ладно, мне надо еще одну такую бумагу подписать. У одного вредного мальчика. С ним еще придется повозиться, он так сразу не согласится. С характером! Весь в маму.

ДЕВОЧКА (*улыбается*). Скажи, а почему ты меня обманул тогда?

ПОЧТАЛЬОН. Когда?

ДЕВОЧКА. Ну тогда. Когда сказал, что она не дала мне имя.

ПОЧТАЛЬОН. А она дала? Я не знал.

ДЕВОЧКА (*улыбаясь*). А я знала. Я всегда знала.

ПОЧТАЛЬОН. И как же тебя зовут?

Девочка собирается ответить. Тут из-за сцены раздается голос: «Эй ты, долго тебя ждать?». На сцену выходит смуглый черноволосый юноша спортивного телосложения. Он видит девочку и резко останавливается. Видно, что она произвела на него впечатление. Девочка смущена. Но парень тоже ей явно понравился.

ЮНОША (*обращаясь к почтальону, не сводя с нее глаз*). Кто это?

ПОЧТАЛЬОН. Знакомься, это твоя будущая жена.

ЮНОША. Да ладно! Не может быть. Какой день сегодня с утра хороший. Вот сразу задался. Ты иди, друг, а я с ней хочу познакомиться. Все-таки жена.

ПОЧТАЛЬОН. Ладно. Знакомься. Только подпиши вот кое-что и знакомься. (*Достает бумагу, юноша, не глядя, подписывает*). И веди себя с ней прилично. В шахматы там поиграйте, что ли. Музыка послушайте. Я вам сейчас поставлю свою любимую песню.

Юноша подходит молча к девочке, они смотрят друг на друга. Почтальон достает из нагрудного кармана продолговатый предмет, похожий на градусник, направляет его куда-то вверх и включается «Аллилуйя». Сцена поворачивается.

Эпизод 4.

Комната с квадратной кроватью. За столом сидит, вытянув спину, женщина. Ее голова обмотана полотенцем. Перед ней стоит стакан с водой. Тихо тикают часы на стене. Женщина берет пузырек,

вертит в пальцах, оттирает что-то невидимое, ставит пузырек на место. Вдруг начинает мигать электричество. Лампочка вспыхивает и перегорает. Комната погружается в сумерки, освещаемые только отблеском уличных огней из окна. На фоне светящегося квадрата снаружи возникает мужская фигура, человек запрыгивает в комнату. Женщина вздрагивает, но не поворачивается. В мужской фигуре легко узнать палача.

ЖЕНЩИНА (устало). Наконец ты пришел! Я жду тебя столько, сколько себя не помню.

Палач молча достает из сумки и кладет перед женщиной повестку и ручку.

ЖЕНЩИНА (рассеянно посмотрев на повестку). Мне сейчас такой сон чудесный приснился. Но я его плохо помню – маленький кадр только. Как будто я его оттягиваю с усилием на такой тонкой резинке, а он снова возвращается в темноту, не хочет выходить целиком. Ты не знаешь, как вспоминают сны?

ПАЛАЧ. А меня ты помнишь?

ЖЕНЩИНА. Не совсем... А кем ты был?

ПАЛАЧ (нараспев). «Я был только тем, чего/ ты касалась ладонью...»². (*Встает со стула, становится у нее за спиной, кладет ей руки на плечи.*) Я очень виноват перед тобой. Знаешь, у меня ведь жизнь была собачья. Мама не хотела меня рожать, просто пропустила момент... Помню, когда я был маленький, у меня не было кровати. Я спал на сундуке. Он был твердый и покатый. Ночью я часто просыпался от того, что сваливался с него и ударялся головой. Наверное, поэтому и вырос таким дебилом. (*Обходит женщину, садится на стол спиной к ней.*) А однажды маму увезли в райцентр – там была больница, отец поехал за ней. Я остался один. Дома не было никакой еды. Совсем. На второй день меня стало мутить от голода, я вышел на улицу и стал искать на земле. И за домом соседей нашел картофельные очистки. Они меня и спасли.

ЖЕНЩИНА. А сколько тебе было?

² Иосиф Бродский «Я был только тем, чего...»

ПАЛАЧ. Шесть лет. А еще через два дня родители вернулись с маленьким братом. Я потом много думал обо всем. Помнишь Кевина Картера, фотографа, которого затравили, и он покончил с собой? Из-за фотографии, на которой умирающая смуглая девочка и терпеливо ожидающий стервятник. Понимаешь, он сфотографировал, а не помог ей. Но в Сомали два миллиона детей умирают от голода и засухи. Никто не спасает их. Я думал – не милосерднее было бы их не мучить короткой жизнью с долгой бессмысленной болью? А дети, рождающиеся у женщин, которые их не хотели и так и не сумели полюбить. А, может, просто ненавидят и шепчут им по ночам: «Умри, умри, почему ты не умираешь!». Как в том фильме – как его? – Ингмара Бергмана. Забыл название...

ЖЕНЩИНА. «Персона».

ПАЛАЧ. Да-да! «Персона». Понимаешь? Оставить жить – это тоже ответственность, тоже решение.

ЖЕНЩИНА. А в чем ты виноват передо мной?

ПАЛАЧ. Не только перед тобой. Есть еще несколько. А одну не смог уговорить.

ЖЕНЩИНА. Уговорить на что?

ПАЛАЧ. Она говорит: «Не могу я – чувствую, что он живой внутри. С первых дней». Представляешь? Чувствую, говорит, его сознание во мне, его вкусы. Вот мне раньше не хотелось томатного сока и мятных пастилок, а сейчас дня без них не проживу. Я ей говорю: «Так это просто твой организм определенных веществ требует». А она: «Так всегда ведь по-разному. Вот мама со мной на пирожные налегала. А с сестрой на зеленый горошек – просто за уши не оттащишь». Я уже и так, и так с ней – но какая тут логика? Уперлась. Это, говорит, женщина принимает решение. Ты можешь мне не помогать. Тяжело нам, конечно, с ребеночком будет, но что делать? Если бы каждый, кому тяжело, кого-нибудь мочил, чтобы полегчало, это был бы ад какой-то. И вообще, грит, кто сказал, что все должно быть так уж безоблачно? И родила нам дочку. Я, конечно, повыпендривался, а потом все равно женился на ней.

ЖЕНЩИНА. Вот это ты правильно поступил. Скажи только – а эта твоя работа... Как думаешь – это наказание за то, что тех, других, ты уговорил?

ПАЛАЧ. Хм. По мне, так это награда – не знаю только за что. Я ведь одно понял: что и запретить убить нельзя и убить нельзя. Но это только изнутри, не снаружи.

ЖЕНЩИНА. А ты знал, в Южной Корее день рождения отмечают с момента зачатия?

ПАЛАЧ. Логично! А еще я заметил, что все сторонники абортов – это люди, которые уже успели родиться.

ЖЕНЩИНА. Это же ты повторяешь за Рональдом Рейганом!

ПАЛАЧ (*улыбаясь*). Да, но истина не тускнеет от повторения.

ЖЕНЩИНА. А это сказал Ходжа Насреддин.

ПАЛАЧ. Вот видишь, память возвращается к тебе. Скоро ты вспомнишь и свой сон.

ЖЕНЩИНА. Я вспомнила стихотворение. Только автора пока не помню:

Когда ты была во мне точкой
(отец твой тогда настаивал),
мы думали о тебе, дочка, -
оставить или не оставить?

Рассыпчатые твои косы,
ясную твою память
и сегодняшние твои вопросы:
«оставить или не оставить?»³

³ Андрей Вознесенский «Говорит мама»

ОДИН ЧЕЛОВЕК

(монопьеса)

Бездействующие лица:

Человек и его второе я

Сцена 1.

Двухместная больничная палата. Нехитрая обстановка: две кровати (которые стоят максимально далеко друг от друга, но с каждой новой сценой стены сдвигаются, пространство уменьшается и кровати сближаются), две тумбочки, окно зашторено, когда шторы раздергивают, становится видна решетка, а за ней небо и верхушка дерева без листьев с какими-то оранжевыми пятнами. Кровать слева аккуратно застелена и пуста, на стоящей рядом с ней тумбочке лежит оранжевая шляпа-котелок и, прислонившись к тумбочке, стоит трость; на той, что справа – сидит человек неопределенного возраста в белом льняном костюме, который можно принять за пижаму, и смотрит в зал. Он некоторое время внимательно и придирчиво разглядывает зрителей.

– Вы думаете, я не знаю, что вас на самом деле нет?.. Знаю, конечно! Но ведь человек не может постоянно находиться один. *(Кашляет.)* Он начинает сходить с ума. Или выходить за его пределы? А? Вот раньше даже у индейцев такие инициации устраивали подросткам. Чтобы вроде как... стали мужчинами. *(Кашляет.)* Заводили их на три дня в темную пещеру. По одному. Одного в пещеру заводили и бросали там на трое суток. Возможно, даже без еды и воды. Хотя этого точно не скажу... И на него обрушивались видения. Так он узнавал себя. *(Кашляет.)* А я тут нахожусь *(загибает пальцы, шевелит губами)* много дней. Или лет? И вижу вас. Я вас придумал, чтобы не сойти с ума. Чтобы не начать видеть себя. Это очень страшно. Увидеть себя. Страшнее всего на свете. «С той стороны зеркала – пыльный паук». На то, чтобы себе признаться в этом, ушло много времени. *(Кашляет.)* Сначала я считал, что это скучно, и я просто не хочу в себе копаться. Глупо все это. Ну не хочу и все. Ложился спать, закрывал глаза, и так скучно становилось, пусто. Хоть вешайся. Хоть вешайся. Хоть вешайся.

Встает, ходит по палате взад-вперед. Подходит к тумбочке, берет оранжевый котелок, раздвигает шторы на окне и выбрасывает его в форточку. Затем ломает трость об колено и засовывает в тумбочку.

– Вот я и повесился. (*Заливисто хохочет, закашливается.*) Нет... нет... меня откачали. Всё. Поселили тут. И вот – я тут. И тоже сначала было скучно. Тоска. Такая тоска. А потом я понял, что это не тоска, это мне страшно. Понял, что я боюсь. Кого? Да себя! Тут больше никого нет. Вас тоже нет. Я вас придумал. Чтобы не так страшно было. (*Кашляет.*) Чтобы не сойти с ума.

Человеку нужны люди. Вот вы мне нужны – хоть вас и нет, я помню. Без вас был бы совсем пипец. Я бы стал разговаривать сам с собой. И у меня бы началось раздвоение личности. Мое второе я село бы вот тут (*Хлопает рядом с собой по кровати, потом охотно пересаживается на это место, слегка развернувшись.*) и спросило (*спрашивает изменившимся голосом, более тонким*). Ну что будем делать?

Я. (*Пересаживается и так каждый раз на новую реплику, постепенно ускоряясь и в движениях, и в речи*). А давай сыграем партейку в шахматы?

ВТОРОЕ Я. D2-D4!

Я. Почему ты всегда ходишь первым?

ВТОРОЕ Я. Потому что я всегда играю белыми.

Я. Ну а почему ты всегда играешь белыми?!

ВТОРОЕ Я. Потому что белые начинают и выигрывают! Что я лох что ли – черными играть?

Я. А я что ли лох?!

ВТОРОЕ Я. Конечно, лох. Лох и псих. Ты вообще шизик. Ха-ха! Смотри, у тебя вон раздвоение личности.

Я. Откуда ты знаешь, что это у меня? Может, это у тебя?

ВТОРОЕ Я (*Замедляясь*). Слушай... а мне нравится такой вариант. Это – у меня. Да. Но зачем мне это? Вообще не нужно. Убью-ка я тебя.

Я. И как ты это сделаешь?

ВТОРОЕ Я. Ну как я это уже делал?

Я. Так тут оборудования нет.

ВТОРОЕ Я. Ничего страшного. Не волнуйся. Что-нибудь придумаю. Белые начинают и выигрывают! Адью!

Я (*В зал*). Вот видите? Так и сходят с ума. (*Кашляет.*) Уж лучше вас себе представлять. Устал я что-то.

Скидывает шлепанцы, ложится в свою кровать, накрывается одеялом по горло, приподнимается:

– Я немного посплю, а вы никуда не уходите, побудьте здесь, пожалуйста. Пожалуйста. А то мне страшно... одному. Страшно... когда один.

Накрывается с головой, продолжая ворочаться и что-то бормотать себе под нос, потом затихает. Гаснет свет.

Сцена 2.

Та же палата. Шторы задернуты. На кровати справа по-прежнему лежит человек, накрытый с головой одеялом. На кровати слева сидит тот же человек, но в оранжевом котелке и с тростью. Он смотрит на лежащего и, не сводя с него глаз, объявляет:

– Уснул! Наконец-то! Представляете, этот идиот думает, что вас нет. Что он вас придумал! Да что он вообще может придумать?! Все-таки гордыня – величайшее из зол. (*Поворачивается к залу.*) Корень всех грехов. Я недавно перечитывал одну хорошую книжку. Тут, в тумбочке лежит. (*Прислоняет трость к тумбочке, достает из нее книгу, листает, закрывает.*) И подумал, почему мне всегда не нравилась вот эта идея – про щеку? Нет, ну понятно почему – как-то ведь типа неправильно поощрять зло. Какой-то говнюк тебя ударил, а ты такой (*толным противным голосом*): «давааай, бей меня, бей еще! Ааа! Ооо!» Не нравилась, короче. А потом понял, что дело не в этом вообще антураже. А в том, что есть только один способ остановить

зло. Нельзя его остановить снаружи, снаружи можно только приумножить. Можно только внутри, в себе. Тебя ударили, а ты ни-ни. Голову склонил, повернул, ждешь. Мало того, что ни-ни, еще и не сопротивляешься повторным попыткам. Останавливаешь внутри себя, на себе. Но гордыня мешает, конечно. Притворяется здравым смыслом, аргументирует. Но – нет. Только внутри себя. А он *(показывает подбородком на лежащего)* никак не хочет этого понять. Сопротивляется. Вот нам приходится тут его держать уже *(загибает пальцы, шевелит губами)* много дней. Или лет? И мне из-за него тут сидеть. Скучно. Надоело. Убил бы, чесслово...

Берет подушку, подкрадывается к спящему, наклоняется над ним, заносит подушку и стоит так некоторое время со страшным оскалом, потом лицо становится спокойным, он опускает подушку, садится на краешек кровати рядом со спящим. Произносит с сожалением:

– Но нельзя. Хотя мне его не жалко вовсе. Я его не люблю совсем. Даже презираю. Вот посудите сами. Что это за человек такой. Рассказываю. Было это давным-давно. Хотя кто его знает, может, не так уж и давно. И даже недавно. Шла по улице старушка – тетя Лида, мама его друга школьного Витьки, которого убили тому пять лет из-за девушки. Он и девушку ту знал, дурочку, хохотушку... Увидела тетя Лида его, обрадовалась, расцвела, шаг замедлила... А он скользнул по ней опустевшим взглядом – он умеет это: надо расфокусировать зрачок и бессмысленно так посмотреть – и мимо нее продефилировал. *(Показывает и тетю Лиду, и его.)* А она остановилась и еще какое-то время смотрела ему вслед, а потом развернулась и тихонечко так пошла. Ему плевать на нее, на всех... Он сразу же забыл, а я – помню. Мучаюсь, не сплю. Или вот еще. Снимал он в студенческие годы комнату. Утром бежит на занятия в универ, видит – что-то рыжее, как этот вот мой котелок *(снимает и вертит в руках свой оранжевый котелок, гладит его, как котенка, и пока говорит о котенке – котелок играет его роль)*, скользнуло под машину и стало орать. Мааааауууу, маааауууу. Ну он торопился, проскочил, а вечером возвращается – из-под той же машины такое же, только уже хриплое

мау. Купил он в ближайшем магазине кошачий корм, выманил котенка, принес к себе. Выкупал, покормил, назвал Вуком в честь мультфильмовского лисенка, сбегал ему за лотком в зоомагазин, лег спать. Утром обувается, чувствует – надул, собака, ему в кроссовки. А тут еще проснулась хозяйка, скандал закатила, сказала, что не потерпит. Взял он, короче, котенка и вынес туда, откуда принес. И забыл. А дней через пять снова его увидел. На обочине. Мертвого. Я чуть сам тогда не умер, а ему хоть бы хны. Как будто и не было ничего – ни котенка, ни смерти. Отряхнулся и пошел. И много таких историй, я весь из них состою. То одна перед глазами пройдет, то другая, то третья... Как-то на даче напились все, стали по углам целоваться. Он тоже наметил себе Варю (*показывает на стоящую у тумбочки трость, подбегает к ней, берет ее в руки, обнимает, дальше трость – это как бы Варя*), вышли они на веранду, обжимаются, все дела, потом повел ее на мостик, где безлюдно, обнял и решительно стал уже действовать. А Варя – протрезвела что ли? – начала сопротивляться. Но она маленькая, худенькая, слабая. Да она ему и не нравилась никогда! Так, на безрыбье. Но тут он отступить уже не хотел. Варя вырывалась, плакала, даже бить его пыталась кулачками своими. Но его тогда это только заводило еще больше... Он потом пришел в себя, извинялся и как-то вроде обошлось – видно, он ей нравился, черт его знает... А через месяц она к нему подошла после пары – бледная, испуганная. Он сразу понял, в чем дело. Дал ей тогда денег, которые собирал на мотоцикл. Откупился типа. И забыл. И все рассосалось, наладилось. А через два года Варя выпилилась. Ну это ж уже не из-за него, да? Сколько времени прошло, да? (*Глядя на лежащего рядом.*) Короче, мразь ты.

Встает, подходит к своему месту, кладет котелок на тумбочку, бережно прислоняет трость и ловко ныряет под кровать.

Затемнение.

Сцена 3.

Та же палата. На левой тумбочке лежит оранжевый котелок, рядом прислонена трость – все так же, как в первом действии. Шторы задернуты. На кровати справа лежит накрытый с головой человек. Он начинает шевелиться, ворочаться, потом садится на кровати. Обращается к зрительному залу:

– Хорошо, что вы не ушли. *(Кашляет.)* Я волновался, что пока я буду спать, вы все заскучаете и разбежитесь, а мне потом вас всех заново придумывать. *(Кашляет.)* Ха-ха! Мне такой сон приснился... что все бегут по растрескивающейся сухой земле. Все бегут, и я бегу, а трещины в некоторых местах расходятся, и там пропасти. Я заглянул в одну, смотрю... глубоко внизу ртутная поверхность – вода – не вода, но с легкой рябью. И мое отражение. Огромное. Смотрит на меня. И я такой ужас почувствовал. Умом понимаю, что надо дальше бежать, спасаться, а сам оцепенел и не могу с места двинуться. Смотрю на это отражение, а оно на меня смотрит. С ненавистью. И вдруг выпрастывает длинную руку и хватает меня, и в себя затягивает. Я только дыхание задержал – раз, а я уже сижу на камне и смотрю на небо. Вечер, потихоньку темнеет, и я прямо вижу, как одна за одной проступают звезды. Такие яркие, крупные, как в горах. И тут я на небе вижу знакомое лицо. *(Кашляет.)* Я не сразу вспомнил, чье оно, а потом вспомнил и сразу проснулся. Но вам я не могу рассказать, кто это был. Тем более, что я и имени уже не помню. Вера? Варя? Вика? Вылетело имя. А лицо помню, да.

Мда... Ох... *(Накрывается одеялом, чтобы торчало только лицо.)* Думаю, она хочет меня убить. Хорошо, что я здесь спрятался, и никто меня не достанет. Дверь заперта, никто сюда не войдет.

Вскакивает с кровати, босиком бежит к воображаемой двери слева от сцены за кулисами. Возвращается, сообщает:

– Заперта! Правда, в окно может кто-нибудь залезть... *(Резко)*

раздергивает иторы, осматривает окно.) Надо же – дохлый паук! Пыльный, фу! *(Потом подходит к оранжевому котелку, вертит его в руках.)* Вот когда я спал, тут больше никого не было? А?.. Конечно, никого. Ни-ко-го. Помню в детстве *(сладко щурится)* мама, когда я болел, тихонько пробиралась в мою комнату ночью и засовывала под подушку конфету. А утром вместе со мной восхищалась ее чудесным появлением, и мы с ней сочиняли версии – одна другой волшебнее – о том, откуда же взялся подарок. И кто же это так сильно меня любит? Белочка? Гномик? Добрая Фея? Мама, мама...

Выбрасывает котелок в форточку, ломает трость о колено, открывает тумбочку, на него выкатывается куча точно таких же обломков. Он стыдливо запикивает их обратно вместе с новыми поступлениями, оглядывается. Закрывает дверцу, садится на пол к ней спиной, подпирает ее, с облегчением выдыхает:

– Фух, вот и ладошки. Так о чем мы с вами говорили? Забыл! Опять забыл! Память совсем ни к черту стала! Возраст, знаете, дает о себе знать. До того, как я сюда попал, мне было... так... так... тогда еще пенсионный возраст подняли как раз, и я с пенсией пролетел. А тут я уже... Нет, сколько я тут нахожусь – понять невозможно. Мне уже кажется, что целую вечность. И знаете, что удивительно. В этой больнице даже не притворяются, что лечат. То есть, никаких лекарств, уколов, никто ко мне не заходит. Я ни разу не видел ни врача, ни медсестры. Думаю, они тут есть и наблюдают за мной, но я сам их не вижу. Ааа... Может, я сразу забываю просто? Приходит врач, осматривает меня, потом медсестра дает таблетку, а я через пять минут уже не помню. Может такое быть? Вполне! Вот как мне еду приносят, я ведь тоже не помню, но если бы не приносили, я бы давно от голода подох, а я ничего – живу. И есть вроде даже не хочется совсем. И сам не исхудал, упитанный. Ха-ха! Вот сейчас вспомнил – ярко так. Не знаю почему... Мальчика, маленького – сколько ему? – лет пять. «С той стороны зеркала – пыльный паук. Мальчик разочарован разгадкой тайны». Лет пять, а на вид и того меньше. Захожу в палату, а он лысенький, худющий в колготках таких – знаете? – они еще всегда гармошкой внизу собираются –

перепрыгивает с кровати на кровать и приговаривает: «Больно-больно-больно... больно-больно-больно... больно-больно-больно». Он умер через месяц. Лейкемия. Вот знаете, прямо перед глазами сейчас. *(Кашляет.)* Никак не развижу. Хоть выколи. Хоть выколи. Хоть выколи. Что я там делал – в этой палате? Не помню...

Поднимается с пола, подходит нетвердой походкой к окну. Весело спрашивает:

– Интересно, а что будет, если я спрыгну? *(Открывает окно, смотрит вниз, присвистывает.)* Высоковато! А решеточка хиленькая, я ее одним пальцем только *(с небольшим усилием выламывает решетку)*. Но мне так надоел уже весь этот нескончаемый бред *(заливисто кашляет)*, что это даже хорошо, что высоковато. Примерно пятый этаж навскидку. Ну что ж *(забирается на подоконник, оглядывается на зал, издает победный вопль и прыгает)*.

Гаснет свет.

Сцена 4.

На кровати слева сидит человек в оранжевом котелке и с тросточкой, смотрит перед собой. На кровати справа накрыт с головой спящий, как во второй сцене. Шторы закрыты. Человек подходит к спящему, сильно прихрамывая и тяжело опираясь на трость, наклоняется над ним и кричит, колотя тростью по тумбочке:

– Просыпайся! Пора вставать! Опоздаешь в школу! *(Садится на край кровати рядом с ним, снимает котелок, кладет его на правую тумбочку, прислоняет к ней трость.)* Бесполезно. Он меня не слышит. Игнорирует. Забавно все же устроен человек! Вот я вас не вижу *(близоруко щурясь, вглядывается в зрительный зал)*, но считаю, что вы есть. А он видит, но думает, что вас нет. И опять же, я его вижу, а он меня в упор просто не замечает. Может, сейчас оно и к

лучшему. У меня плохие новости для него. Слышь, ты (*толкает его*) – ты вот делаешь вид, что меня не слышишь и не видишь, а если я уйду – а я уйду, ты тут останешься навсегда, уже без всякой перспективы выйти. Эй! (*Энергично трясет его.*) Ты забудешь все, разучишься говорить, будешь трястись от страха и плакать. (*Кривляется.*) Но мамочка не придет. Учитывая, что вы с братом сбагрили ее помирать в дом для престарелых, а сами перегрызли из-за ее квартиры. И ты знал, какие там условия, и ты ни разу не пришел к ней. Так что, так тебе и надо, уроду. Выродку. Помню ее лицо за бликующими стеклами, когда отъезжала твоя машина. Помню, как она дернулась, словно собиралась помахать на прощанье или кинуться вслед. Ведь она знала, что видит тебя в последний раз.

Когда ты пришел в больницу, где она умирала от рака, мама была уже без сознания. Она лежала бледная, чужая, с какими-то вьющимися трубками. Ты тогда что-то говорил ей, обещал, клялся. Ты немного выпил, но дело не в этом. У тебя был хороший период, успешный бизнес, много денег. Да, ты пообещал ей спасти от рака кого-нибудь другого. Ребенка. Да, ребенка. На следующий же день ты поехал в детское отделение. Объяснил цель визита. Тебе обрадовались, устроили экскурсию, рассказали. Ты ходил по палатам, видел всех этих ребятишек с их измученными мамами, выбрал мальчика, расспросил о нем. Саша, 7 лет. На вид гораздо меньше. Саша, 7 лет. Любит самолеты и группу «Секрет». У Саши болит голова. Сильно. Прогноз плохой, времени мало. Саша, 7 лет. Тебе сказали, что нужно, сколько, когда. Ты пообещал. Ты действительно собирался ему помочь. Шансов почти не было, но ты хотел ему помочь. А через два дня случилась вся эта хрень у тебя на фирме. Нет, ты не все потерял, но тряхануло ощутимо. Как-то сразу отступили все твои добрые намерения, а когда ты вспомнил, было уже поздно. Совсем поздно. «Зеркало было завешено пару дней».

Встает, ломает трость об колено, пеленает в простыню со своей кровати, аккуратно, как ребенка, кладет на кровать рядом со спящим. Там же размещает котелок.

– Некоторые люди – тссс! – (*говорит тише*) попадают в ад уже при жизни, перестают различать внешнее и внутреннее, натренировывают свой склероз до того, что не помнят ели ли они утром, что было вчера, кто этот человек, который все время крутится рядом. «Это просто старость», – скажете вы. И да, и нет. Однажды мы сидели в летнем кафе с Лёней. Мы увлеченно разговаривали и не сразу заметили, что к нам приблизилась женщина. Совсем не старая еще, но бедно и странно одетая – закутанная в какие-то застиранные полотна с головы до ног. Она спорила о чем-то вслух, возмущалась, отмахивалась. Ее категорически не устраивало то, что говорил ее собеседник, явленный только ей. Она прошла совсем близко, задела стол и обдала нас кисловатым запахом тоски и безумия. А потом резко развернулась, присела, схватила себя за голову и заорала. Она орала, прикрываясь так, как будто на нее обрушивались невидимые удары. Боль и ужас были ее реальностью. Потом она замолчала, с изумлением глядя на что-то перед собой. Выпрямилась и пошла. К ней спешили два официанта, она не видела их, но то, что она заткнулась и начала уходить, было воспринято ими доброжелательно – им совсем не улыбалось выпихивать эту сумасшедшую. «Она просто безумна» – скажете вы. Но так ли это просто? И что такое безумие? Мне тогда показалось, что ее душа уже прошла через врата смерти, а тело немного запаздывало, но не было особенной помехой.

Что вы думаете о смерти? (*Подходит к краю сцены.*) Да, вы. Думаете ли вы о ней вообще? Вы все так боитесь думать о ней, а ведь смерть – единственное событие, которое стопроцентно с вами произойдет. Прямо внутри себя вы сами, наедине с собой, будете умирать. Иногда я представляю смерть, как рождение души из тела – ничуть не менее болезненное, чем рождение из материнского лона. Но кто вас – плачущих, измученных, усталых – примет на той стороне? Кто возьмет вас на руки и прижмет к груди? Да, вас.

Затемнение.

Сцена 5.

Палата. Кровать слева аккуратно застелена. На кровати справа, спустив ноги, сидит человек. Рядом с ним лежит сверток, напоминающий младенца, и котелок. На человеке смиренная рубашка, рукава которой завязаны сзади. Некоторое время он молчит, потом очень спокойно произносит:

– В детстве мне нравилась одна девчонка. В нашем дворе. Даша, ее звали Даша. Темно-русые косички, раскосые глаза, веснушки. Как-то мы гуляли. Было жарко, мы стояли возле лавочки в скошенной тени старого дома и решали, во что будем играть. Су-е-фа, су-е-фа. *(Кивает в такт.)* В это время я оглянулся и увидел, что к нам мелкими шажками спешит Даша и несет в руках... Это был голубь. Она подошла близко. Голубь был живой. Он вертел головой из стороны в сторону, смотрел на нас. Мы не успели ничего сказать, только все посмотрели на Дашу и голубя. Даша наклонилась к нему и откусила от него кусок, а потом съела его живьем.

Он некоторое время молчит, потом неуклюже поднимается с кровати, скидывает сверток, похожий на младенца, и шляпу, остервенело топчет их, затем вприпрыжку достигает середины сцены.

– Знаете, я раньше старался не думать о смерти. А сейчас мне иногда кажется, что я ... ну... что я уже умер. И все это, что со мной сейчас, уже никогда не закончится. Меня едят живьем, как того голубя. Но никак не съедят окончательно. Я не понимаю, чего они от меня хотят. *(Громче.)* Я не понимаю, чего они от меня хотят!!! *(Кричит, подпрыгивает, извивается.)* Чего вы все от меня хотите?! Где вы?! Кто вы?! Покажитесь мне!!! Я не могу так больше... *(Опускается на колени, плачет.)*

Затемнение.

Сцена 6.

На кровати справа сидит человек в смиренной рубашке и с мешком на голове. На полу лежит сверток, похожий на младенца, и котелок. На кровати слева сидит человек в котелке, он держит обе руки на трости, а на руки поместил подбородок. Не вставая, он открывает дверцу тумбочки и выгребает на пол обломки тростей, целой тростью распределяет их. Снимает котелок и кладет на тумбочку рядом с собой. Встает, ломает трость и кладет ее рядом с котелком. Садится и некоторое время сидит в той же позе, что и человек напротив. Говорит чужим голосом:

– Хорошо, что все закончилось. Нужно было попробовать, согласен. Но сразу было ясно, что надежды нет. Шансов не было. *(Поворачивается к залу.)* Я хотел бы попрощаться. Хотя вы и мертвы, и погружены в немоту, но я уверен, что вы меня слышите. Спасибо, что были рядом с ним. В общем-то, мы ничего больше и не можем сделать другому – только быть рядом. Сейчас я кое-что сделаю, и после этого вы можете уходить. А хотите я заберу вас с собой? *(Делает движение, невесело смеется.)* Шутка. Сейчас... вот смотрите... *(Достает из кармана какую-то ткань.)*... Сейчас ... я просто завешу зеркало... *(Бормочет.)* «Зеркало было завешено пару дней...». Ну мало ли... такая примета *(разворачивает ткань – это такой же мешок, как на голове у сидящего напротив)*. Вот так. *(Надевает себе мешок на голову.)*

Некоторое время они сидят в тишине. Потом звучит голос, как со старой пластинки.

С той стороны зеркала пыльный паук,
мальчик разочарован разгадкой тайны.
Папа у мальчика был кандидат наук,
мама теперь рассеяна и печальна.

Зеркало было завешено пару дней,
тётя Полина ему подарила Киндер
с Халком зелёной птицы на самом дне,
мальчик его куда-то уже закинул.
Папа к нему приходит и говорит
медленнее и чётче, чем было раньше:
как ни живи ты долго, да хоть умри,
ты всё равно не знаешь, что будет дальше⁴.

Затемнение.

Сцена 7.

На обеих кроватях по-прежнему зеркально сидят два человека в смиренных рубашках и с мешками на головах. Через минуту вопреки ожиданию начинает шевелиться тот, что справа. Он освобождается от узлов смиренной рубашки, снимает мешок с головы и видит, наконец, того, кто сидит напротив.

– Господи, это еще кто? Как он здесь оказался? Ты меня слышишь? Эй!

Он стягивает через голову смиренную рубашку, отбрасывает в сторону, подходит к своему визави, трясет за плечо, тот падает на кровать, он снимает мешок с его головы, зависает на какое-то время, потом поворачивает к залу лицо, полное ужаса.

– Он мертв. Да. (*Ходит по палате, снова подходит к трупу.*) Он мертв, и он... я. Я сразу себя узнал. То есть, это что же выходит – это я умер? Это мое тело? А вот это (*показывает на себя*) – душа? Ой! (*Щиплет себя за руку.*) Что-то не сходится! Но не наоборот ведь! (*Усмехается.*)

Подождите! Выходит, что раз он умер, когда мы были тут вдвоем, то все решат, что это я его замочил? (*Хватается за голову.*) Нет-нет-нет,

⁴ Надя Делаланд «С той стороны зеркала пыльный паук...»

надо что-то придумать срочно. Куда-то деть труп. Спрятать? Выбросить в окно? Фу, он уже начинает смердеть! В древнем Тибете было такое понятие как «последняя милостыня». Голодуха была страшная, и тот, кто умирал, завещал свое тело оставшимся жить людям, чтобы они его съели. Вот, конечно, правильнее всего было бы спрятать труп, как котенок Гав сосиску. Как Даша голубя. Пожалуй, так и сделаю.

Поворачивается к залу спиной, наклоняется над трупом и начинает его есть.

Занавес.

#metoo

(пьеса)

Действующие лица:

ОН

ОНА

КОНВОЙНЫЙ (в начале пьесы он молодой, в конце – сильно постаревший)

Сцена 1.

Комната для свиданий в тюрьме. Посередине стоит довольно длинный, напоминающий теннисный, стол, по бокам – два стула. На том, что справа, сидит женщина. На стене висят большие часы с девятью стрелками разной длины и формы. Они движутся каждая в своем темпе⁵. Дверь с решеткой на окошке открывается, конвойный заводит мужчину. Тот останавливается, смотрит на женщину. Конвойный слегка подталкивает его к свободному стулу. Мужчина садится. Конвойный снимает с него наручники.

КОНВОЙНЫЙ. У вас сорок минут.

Конвойный уходит, запирает дверь. Слышно, как гремят ключи.

ОНА (*торопливо*) Как ты? Так давно не видела тебя... Похудел... Если бы встретила на улице, не узнала б... Как тут кормят? Ты ешь вообще?

ОН (*мрачно*) Бесперывно. Только этим и занимаюсь. Ты тоже выглядишь так себе... Потолстела...

ОНА. Потолстела?.. Ну ты и урод! Ну вообще... Зачем я вообще к тебе пришла?

ОН. Да! Зачем ты ходишь сюда?! Что тебе уже от меня нужно? Ну?! Говори, сука!

ОНА. Говорить?.. У меня просто нет слов... Да у меня до сих пор стоит перед глазами мокрый асфальт... в осколках... я тогда бежала по нему босиком...

⁵ Или вообще без стрелок

ОН. Какой асфальт? Какие осколки? Что ты несешь вообще, психованная?

ОНА. Да, там были осколки... Много. Они еще так поблескивали в свете фонарей, а я старалась изо всех сил не наступать на них... но все равно наступала... потому что перестала чувствовать границы своего тела. Мне было непонятно, где заканчиваюсь я, и где начинаются они.

ОН. Тебе надо роман писать. Женский. У тебя же фантазия больная. Я одного не понимаю, почему ты не лечишься?

ОНА. Так я лечусь как раз. А тогда я почти не чувствовала боли. Я ее домысливала... по звуку и твердости, а потом... по влажности. Осколки очень по-разному себя ведут – одни цепляются, другие скользят. Зависит от того, как они вошли в стопу, понимаешь?..

ОН. Зачем ты мне это рассказываешь?

ОНА. Зачем я это рассказываю? Зачем я это рассказываю – тебе? Ты же урод. Боже мой, я ведь тогда была как замороженная. Пришла домой, мама уже спала. Долго стояла в душе. Кровь текла по ногам и из ног. Я смотрела, как она смешивается с водой и не кончается. Никак не кончается, понимаешь? Я никак не могла смыть с себя все это, только вместе с собой. Надо было, чтобы закончилась вся кровь. Но меня затошнило, и я выползла из ванной.

ОН. Зачем ты рассказываешь все это – мне?

ОНА. А кому еще? Разве тут еще кто-нибудь есть? Знаешь, я потом много думала об этом. Пыталась понять, в чем была моя вина тогда. Ведь я и раньше общалась с парнями, мы гуляли... болтали там, в кино ходили. Они не поступали так со мной. С тобой я тоже не ожидала ничего такого.

ОН. Это был не я, сколько раз тебе повторять это?!

ОНА. Не заметила, не поняла, пропустила момент, когда можно было просто уйти, когда мы были еще на улице. Дааааа, после всего этого я бы ни за что уже не пошла с самым вызывающим у меня доверие человеком к гаражу. Покататься на мотоцикле... это навсегда теперь эвфемизм для насилия.

ОН. (*Рычит и закатывает глаза.*) Нет у меня мотоцикла! Пойми же! И гаража нет. Я даже на велосипеде не катаюсь! Дура!!!

ОНА. Да, да. Самое страшное, что ты еще и злился на меня, был в ярости, что – как же так, пошла типа «кататься на мотоцикле», а

трахаться не хочешь! Надо же, дрянь какая, стерва, мразь. Обманула человека. Разве ты не знаешь, что «покататься на мотоцикле», «попить чаю», «просто погулять» – это такая фигура речи. Можно ли быть такой дурой?

ОН. Идиотка!

ОНА. Идиотка, да. Надо каждого подозревать в том, что он тебя может изнасиловать, убить, обворовать, оболгать... Нет, тебя тоже потом как-нибудь обзовут за твою подозрительность, но зато ничего с тобой не сделают. Скажут: «Какая испорченная девочка! Ну надо же – во всем, в самых невинных проявлениях находит харассмент! Обходите ее стороной, люди».

ОН. Господи, за что мне это?

ОНА. Больше всего я помню не физическую боль, а то, что мир перестал быть безопасен. Как будто чудовищная адская бездна была завешена на стене лубочной картинкой с парусником... Такой кораблик, скользящий по голубой реке, и вдруг непонятно как картинка слетела со своего гвоздика, и монстры стали тянуть к тебе свои лапы.

ОН (*меняясь*). Одно из моих самых ранних воспоминаний, как меня несут большие жесткие руки нашей воспитательницы в детском саду.

Вскакивает с места, подходит к ней и прodelывает с ней то, о чем рассказывает – хватает в руки, несет, моет и т.д.

ОНА. Потом-то картинку можно повесить обратно, но забыть о том, что за ней, уже не удастся.

ОН. Она страшно дышит, как разъяренный бык.

ОНА. Никак не заштопать этот провал во мне. Он только разрастается и затягивает меня. И это сделал ты.

ОН. Я заигрался и обделался, кто-то из детей, кажется, это была Соня, да... Соня громко пожаловалась на вонь, подлетела Мариванна и потащила меня в ванную.

ОНА. Это сделал ты.

ОН. Она орала на меня и мыла под струей ледяной воды. «Кто это сделал? А? Говнюк, – вопила она, – почему я должна мыть твою грязную жопу!».

ОНА. Когда это было?

ОН. *(Выпускает ее из рук.)* Это было как раз перед тихим часом, и когда нас уложили, я крутился и всхлипывал. Тогда Мариванна налетела на меня снова, раздела догола, поставила перед всеми на табуретку и приказала так стоять весь тихий час.

ОНА. Ты мне никогда не рассказывал об этом раньше...

ОН. Я не помнил... но сейчас вспомнил. Некоторые мне сочувствовали, но многие хихикали. А вечером Мариванна пожаловалась на меня маме. Мама была простым человеком, но незлым, она сильно не ругалась, так только – для галочки, без удовольствия. А вот бабушка...

ОНА. Бабушка, да... «баба» – так мы ее называли – явно тащилась от воспитательного процесса.

ОН. Вообще, баба была у нас вместо мужика в доме – тяжести таскала, решала все проблемы. Кричала на меня: «Ты животное! Скотина! Мерзкая тварь! Будешь срать, а? Будешь?». И била меня половой тряпкой по лицу, по губам. Помню ее привкус до сих пор.

ОНА. Но это было еще не все.

ОН. Это было не все. Еще долго на семейных праздниках я холодел от ужаса, что она при всех меня высмеет и унижит, припомнив и присочинив новые детали к этой истории. Так было, пока она не умерла.

ОНА. А мама?

ОН. А мама не была злая, но ей было на меня плевать. Она приходила с работы, ела то, что приготовила баба, глядя остекленевшим взглядом перед собой. Я и так, и так пытался заслужить ее внимание, хотя бы тень заинтересованности, но сам был для нее тенью, невидимкой, призраком.

ОНА. А где была я?

ОН. Погоди... Когда бабу парализовало, мама стала приводить домой мужиков. Они были разные, некоторые хорошие, разговаривали со мной, даже играли и что-то дарили, других я бесил, они били меня и выгоняли из дома. А мама сидела с остекленевшими глазами, ей было все равно.

ОНА. Это была я?

ОН. Не перебивай меня! Мыть бабу, кормить ее, терпеть ее

полоумные закидоны – теперь стало моей обязанностью. Думаешь, она начала от этого ко мне лучше относиться? Ха! Я все время встречал ее полный ненависти взгляд. В ней было столько злобы... Мне казалось, она живет только на ее энергии. И всю эту свою злобу она направляла на меня.

Достает из кармана шарик для тенниса, бросает в женщину. Они берут с пола ракетки и начинают играть, не прекращая говорить.

ОНА. Она была полностью парализована?

ОН. Да... Нет... Правая рука у нее работала...

ОНА. *(Упускает шарик.)* А у меня что-то не очень...

ОН. Когда я возвращался из школы, я часто заставлял ее за упоительным занятием: она пальцем, вымазанным собственными эксcrementами, рисовала на стене причудливые узоры.

ОНА. Арт-терапия...

ОН. А когда я вернулся из армии...

ОНА. Мама отпустила тебя в армию?

ОН. Мама тогда уже почти спилась.

ОНА. Странно, я ничего этого не помню.

ОН. Мне кажется, мама не всегда узнавала меня, не всегда понимала, что я ее сын.

ОНА. Ты так изменился?

ОН. Не знаю... Но часто мне приходилось отбиваться от ее липких рук... Она лезла мне в штаны.

ОНА. Мама?

ОН. Мама. Я грубо отталкивал ее, прикрикивал, но она только хохотала, закидывая голову и раскрывая рот так, что было видно несколько уцелевших зубов.

ОНА. *(Бросая шарик и ракетку.)* Это невозможно. Ты лжешь. Ты специально это придумал сейчас.

ОН. Нет, я говорю правду. Я вспомнил... и я узнал тебя, это была ты, мама.

Сцена 2.

Она снимает парик (под ним такого же цвета волосы, только более редкие), снимает кофту, встает, юбку и остается в чем-то вроде белой ночной рубашки, подходит к нему.

ОНА. Когда мне было лет пять, мы играли с папой в карты вдвоем. В дурака или в козла, я не помню.

Он достает карты, начинает их раздавать, играть.

ОН. Лучше в покер.

ОНА. Да, в покер. И я выиграла. Я помню, что обрадовалась и легла на спину... вытянулась.

ОН. У меня тоже была дочь... Я помню...

ОНА. Он тут же протянул руку и, улыбаясь, потрогал меня здесь *(дотрагивается до себя)*.

ОН. Нет, такого я не делал!

ОНА. А я сразу же поднялась. Понимаешь, я не знала, как надо на это отреагировать, но мне было неприятно.

ОН. Козел! *(Бросает карты, приближается к ней, и потом повторяет действиями ее слова)*.

ОНА. Покер! А потом мы поехали с мамой и папой на море, и папа учил меня плавать. *(Снимает через голову ночную рубашку, остается в купальнике)*. Я лежала на воде, он поддерживал меня, но его руки то и дело скользили к моим плавкам.

ОН. Подними голову... Так... так... держись на воде... Вода сама тебя держит... А теперь руками... Сюда... Так...

ОНА. Я так никогда и не научилась плавать.

ОН. Ну что же ты... Дочка!

ОНА. Потом я стала замечать, когда я иду по квартире, он смотрит только мне между ног.

ОН. Как дела в школе?

ОНА. Я стала стараться не заходить на кухню, когда он там, и лишний раз вообще не выходить из комнаты.

ОН. Иди есть, мать тебя не дозвется.

ОНА. Отвали! Если он делал мне замечания, я стала кричать на него, хамить, просить маму, чтобы она с ним развелась.

ОН. Как ты разговариваешь с отцом?

ОНА. Но мама, наверное, считала это просто... не знаю... проявлением переходного возраста... дурным характером.

ОН. *(Показывает ей на грудь.)* Что это у тебя? *(Хватает за нос.)*

ОНА. Придурок! *(Отталкивает его.)* Когда он подходил ко мне близко, я говорили ему, что от него воняет, и чтобы он ушел.

ОН. *(Пожимает плечами.)* От мужчины и должно вонять.

ОНА. Я стала ненавидеть его за то, что он лишил меня настоящего отца, который любил бы меня не грязно, а по-настоящему.

ОН. Я тебя не насиловал.

ОНА. Нет, ты меня не изнасиловал. Но постоянное напряжение, в котором я находилась от твоих взглядов... от возможности прикосновения... Все это создавало вокруг меня ощущение опасности. Мне просто было негде укрыться.

ОН. Я тебя любил.

ОНА. А я не знала, как соединить в себе необходимость в отце, в любви к нему и то, что я чувствовала к реальному отцу – к тебе.

ОН. Но я же не был плохим человеком, не был психопатом, садистом. Я любил вас. Заботился...

ОНА. Да, думаю, ты по-своему любил и маму, и меня.

ОН. А что было потом?

ОНА. Ты погиб, когда мне исполнилось четырнадцать, попал под машину.

ОН. Да, точно...

ОНА. А в пятнадцать лет я совершила попытку суицида. Я так всю жизнь и не смогла до конца вместить этот опыт.

ОН. А это точно был я?

ОНА. Это был ты. *(Возвращается на место, садится).*

ОН. *(Пока говорит, поочередно снимает очки, отклеивает усы, снимает парик, одежду, остается в плавках).* Да, я отлично все помню. Помню, как полюбил тебя и отца, помню, как мы играли вместе на ковре, как строили железную дорогу, как ты ловила меня, когда я скатывался с горки, а он качал на качелях.

ОНА. (*Ласково, чуть наклонившись, чтобы подхватить малыша, скатывающегося с горки.*) Не бойся, я тебя поймаю... Давай! Опа!

ОН. Помню, как вы с папой хохотали, когда на линейке в первом классе я подарил цветы не своей учительнице, а тебе.

Она смеется, прикрывая лоб ладонью.

ОН. Как ты гордилась мной, когда я получил диплом врача, как радовалась внукам.

ОНА. Машенька и Ниночка. Ниночка вся в мою маму, все крошки подобрала. И голос... Наша порода.

ОН. Да! И я все это помню, только ничего этого не было, потому что ты убила меня, когда мне было три месяца.

ОНА. Нет, этого я не могла... Как же? Это какая-то ошибка...

ОН. А вот так. Мне было очень страшно. Я кричал тебе, плакал, метался, мне тоже казалось, что это какая-то ошибка, что этого не может быть (*поджимает ноги к груди на стуле, дрожит*). Это было невозможно понять, невозможно пережить. Я умер, мама.

ОНА. (*Подходит к нему, обнимает*). Прости меня, я не хотела убивать тебя.

ОН. Я умер?

ОНА. Я очень хотела родить, правда... но твой отец сказал мне выбирать – или ты, или он. Я плакала, но выбрала его. Тебя ведь я тогда еще не знала.

ОН. Вы с папой меня убили.

ОНА. Но мы с ним все равно потом расстались, потому что не могли простить друг другу убийство. Он потом тоже во всем винил меня. И это тоже был ты.

ОН. (*Садясь на стуле нормально, распрямляясь.*) Ты так раздражала меня своими вечными претензиями, своим бесконечным криком... Как ты нелепо носилась со своим больным ребенком, он даже не говорил, он не мог ходить... Ты любила только его!

ОНА. И это тоже был ты.

ОН. Мне хотелось тебя убить.

ОНА. Да, я помню, последней каплей в нашей семейной жизни было то, как ты во время очередного скандала схватил пустую пластиковую

бутылку и зарезал ее ножом. Ты втыкал в нее нож с такой яростью, что сам порезался, но даже не заметил этого, а продолжал, пока не разрубил бутылку пополам.

ОН. А потом? Что было потом?

ОНА. У меня в голове какая-то каша. Мы столько раз умирали, столько раз убивали друг друга...

ОН. И что нам делать со всем этим?

ОНА. Не знаю... Я слышала, что типа нужно простить все... тогда нас выпустят отсюда.

ОН. Как такое простить?

ОНА. Невозможно. Я уже пробовала.

ОН. И ведь нельзя, наверное, просто сказать, что прощаешь? Надо действительно простить. Сразу станет видно, если это произойдет.

ОНА. Бред какой-то. От нас хотят чего-то, сами не понимают чего. Зачем им все это?

ОН. Я не знаю. Видимо, мы так и будем встречаться здесь и рассказывать, рассказывать.

ОНА. Да, обычному человеку не под силу справиться со всей этой болью и грязью. Одному. Когда я рассказываю тебе, мне становится немного легче. Но ненадолго. Как будто появляется просвет и свежий воздух, но непонятно, откуда он идет. Я не успеваю понять.

ОН. Может быть, здесь есть психолог? Можно попросить, чтобы нас отправили к нему на прием?

ОНА. Была я как-то на приеме у психолога... Лучше не вспоминать.

ОН. Тогда не знаю. Остается только ждать, что все это само когда-нибудь закончится, размагнитится, перестанет нас волновать.

ОНА. Похоже, ты прав. Сколько у нас еще времени? (*Смотрит на часы.*) Сказали, что сорок минут – значит, придут через сорок. Еще около десяти минут.

ОН. А я так и не научился понимать по здешним часам время.

ОНА. Надо одеваться.

Они не спеша одеваются, пока разговаривают.

ОН. (*Смеется.*) Хороший знак – раньше нам не хватало часа, чтобы все рассказать, а теперь вот заканчиваем досрочно.

ОНА. (*Смеется.*) Расскажи тогда, как ты там живешь, чем занимаешься?

ОН. Да все то же самое почти. Живу в отдельной комнате, самое необходимое есть, работаю. Много думаю, немного сплю. Тоска, короче. А ты?

ОНА. Да, все так же. Комната, работа, дурацкие мысли... А в какой части города ты живешь?

ОН. В западной. Недалеко от Великой стены.

ОНА. Надо же! Я тоже. Странно, что мы не пересеклись ни разу.

ОН. А давай увидимся? Знаешь, кафе «Приют куклода»?

ОНА. Рядом с сосисочной «Упоротый газлайтер». Конечно, знаю. Мы там по пятницам с Анжелой пьем коктейли. Ужасно на вкус, но хоть что-то напоминающее жизнь.

ОН. Так и я там бываю, только по субботам. Мы там своей компанией надираемся пивом. Какое это пиво, конечно, так, одно название. Ну что?

ОНА. А давай в это воскресенье в 12 00.

ОН. (*Охотно.*) Договорились!

ОНА. Хорошо. Слушай, а ведь сейчас – чувствуешь? – свет и воздух усилились. И я слышу какую-то музыку. Совсем тихо. Ты слышишь?

ОН. (*Прислушивается.*) Да-да, это же ... *Вуе Вуе Baby*, да? Только слов почти не разберешь...

ОНА. Здорово! Я так любила эту песню. Потанцуешь со мной?

ОН. (*Подходит к ней.*) Можно вас пригласить?

Они танцуют – просто в паре шагают, немного поворачиваясь.

ОНА. Странно, за нами никто не приходит. (*Показывает на часы.*)
Смотри, мы тут уже 42 минуты.

Он подходит к двери, осторожно на нее надавливает, она легко поддается.

ОНА. Как это? Я же слышала, как гремели ключи – нас запирали.

ОН. Пойдем скорее.

ОНА. Подожди, а вдруг нельзя? Вдруг нас потом накажут?

ОН. Возможно ли наказать нас еще сильнее? Что нам терять?

ОНА. Вот прямо сейчас я чувствую, что мне есть, что терять.

ОН. Так давай не потеряем это, пойдём!

Он берет ее за руку, музыка усиливается, они вместе выходят за дверь, оставляя ее открытой. На столе лежат парики и очки. Примерно минуту сцена остается пустой, постепенно музыка затихает. В дверь заходит конвойный. Он сильно постарел: внешность, движения, речь – все. Он достает из кармана черный мусорный пакет и собирается положить в него то, что осталось на столе. Раздается звонок. Загорается большой экран на сцене с браузером чего-то похожего на скайп. На экране появляется иконка с фотографией Владимира Набокова, хорошо читается, что того, кому звонят, зовут Пьер Делаланд. Конвойный достает из кармана пульт, кликает, чтобы поднять трубку.

ГОЛОС НАБОКОВА. (С его характерным проговариванием звуков).

Пьер, они ушли?

КОНВОЙНЫЙ. Да, месье Набоков. Не просто ушли – убежали. Ну и намучился же я с этой парочкой. (Садится на табуретку, снимает головной убор, кладет его на стол, вытирает платком пот с лысины). Как же всех жалко...

Встает, побряхтывая, начинает складывать туда парик, очки, все, что они оставили. Потом решает надеть очки и парик.

ГОЛОС НАБОКОВА. Пьер, вы не включили видеосвязь... Как вы себя чувствуете?

КОНВОЙНЫЙ. Отлично, спасибо! Мне кажется, моя служба, все это (обводит рукой сцену и себя) чистилище – подходит к концу.

ГОЛОС НАБОКОВА. Пришлете мне запись?

КОНВОЙНЫЙ. Ну это еще черновик, так, расшифровка...

ГОЛОС НАБОКОВА. А вы знаете, недурно получается... Особенно вот это – как у вас выходит, что мужчина для женщины – это же все встреченные ей мужчины... и наоборот. Жизнь она у вас такая... метафора на метафоре сидит и метафорой погоняет. А о смерти я

вообще молчу. Но вот финал – финал бы я немного...

КОНВОЙНЫЙ. Нет-нет, месье Набоков. Персонаж моего персонажа, как говорится, не мой персонаж!

НАБОКОВ. Да-да, вы правы. Но у вас там выходит, что... как бы это сказать... не буквально, конечно, а скорее фигурально... фигурально, да, чтобы выйти из тупика, надо как бы заново родиться.

КОНВОЙНЫЙ. Да-да, как безумец считает себя Богом, так и мы верим, что мы смертны. Но увольте! Я бы не хотел давать свою единственную интерпретацию, пусть остается объем. У нас тут недавно случай был... Мы всей редакцией чуть не родились от смеха...

Раздаются шаги. Он поспешно встает.

КОНВОЙНЫЙ. Кажется, это за мной. Ну расскажу в другой раз... При встрече... До свиданья, месье Набоков.

ГОЛОС НАБОКОВА. Всего доброго, Пьер! Держите меня в курсе!

КОНВОЙНЫЙ. Конечно, месье Набоков! (*Нажимает отбой пультом.*) Как будто у меня есть варианты!

Конвойный надевает фуражку, уходит. Слышно, как он гремит ключами, запирая дверь.

Занавес.

DURALEX

przeł. Krzysztof Tyczko

Osoby:

Dziewczynka

Kobieta

Listonosz, kat, mężczyzna – ten sam aktor

Feministka

Ginekolog

Młodzieniec

Akt 1.

Scena 1.

Na scenie znajduje się fasada różowego domku z okienkiem, z którego wygląda dziewczynka z dwoma warkoczykami i dwoma puszystymi, białymi kokardami na nich. Na twarzy wypisane ma oczekiwanie – przebierając warkoczyk, wygląda czegoś odległego. Wcześniej niż widzowie dostrzega, że ktoś się zbliża.

Dziewczynka: (z radością, bez cienia wyrzutu) Wreszcie jesteś! Czekam na ciebie, od kiedy pamiętam!

Listonosz (wchodzi zamaszystym krokiem, po drodze z torby przez ramię wyciąga złożoną karteczkę): Wezwanie dla pani! Proszę (podaje jej) tu podpisać (z elegancją wyciąga z kieszeni na piersi długopis, włącza go i podaje).

Dziewczynka szybko podpisuje, powtarzając radośnie „wreszcie”, „tak czekałam”, „dziękuję”, „dziękuję”. Oddaje karteczkę. Listonosz odwraca się i chce odejść.

Dziewczynka: Poczekaj! Dokąd idziesz? (listonosz odwraca się do niej zdziwiony) Nawet nie powiedziałeś, jaka ona jest? Ładna? Dobra? A on? No proszę, powiedz...

Listonosz (zsuwając czapkę na czoło, drapiąc się w tył głowy) No więc ona jest taka...Taka... (wykonuje rękami nieokreślony gest, zamyśla się). Wiesz, nie przyglądałem się jakoś szczególnie. Taka... zwykła...

Dziewczynka: (z oburzeniem): Zwykła?! Jak ty możesz tak o niej mówić! Przecież to moja... (szukając słowa, odwraca się od okienka, widzimy tył jej głowy, odwraca się z powrotem)... (w odnalezione słowo wkłada maksimum miłości i czułości) mama.

Listonosz (z poczuciem winy): Wybacz (poprawia się, teraz surowo), wcale nie muszę się nikomu przyglądać. To nie wchodzi w zakres moich obowiązków. I w ogóle (łagodniejąc) potem sama się na wszystkich napatrzysz. Lepiej opowiem ci pewien brodaty dowcip. Ale nie znasz go. Zawsze go opowiadam. Słuchaj. Siedzi dwóch bliźniaków w brzuchu mamy. Jeden pyta drugiego: „Jak myślisz, po narodzinach jest życie?” Drugi odpowiada: „Nie wiem. Nikt nigdy jeszcze stamtąd nie wrócił”.

Dziewczynka (śmieje się): Dobrze! (z zapalem): Masz rację – sama się potem na wszystkich napatrzę! (wybiega przez drzwi domku, mocno obejmuje listonosza) Masz rację, masz rację! Dziękuję ci, posłańcu dobrych wieści! (puszcza go. Listonosz wychodzi ze słowami: „Dobrych urodzin!”).

Dziewczynka jak wrota otwiera skrzydła drzwi domku – widzimy różowy, dziewczęcy pokój. Zaczyna się tam krzątać, wyciera i zdmuchuje kurz, sprząta. Jednocześnie nuci znaną piosenkę Cohena „Alleluja”. Scena powoli się obraca, skrywa dziewczynkę i odsłania inny pokój.

Scena 2.

Sypialnia, pośrodku stoi duże kwadratowe łóżko, na którym leży na wpół nagi mężczyzna i przełącza kanały w telewizorze. Z drzwi łazienki wychodzi kobieta, po minie widać, że jest przejęta, niesie w ręce jakiś nieduży, długi przedmiot, który z daleka przypomina termometr.

Mężczyzna (spogląda mimochodem na kobietę, ospale): Ktoś mi dzisiaj zrobi śniadanie? (kobieta waha się, przestępuje z nogi na nogę). Ej! (nie przestaje oglądać telewizora) Mówię coś: Ktoś – ktoś mi dzisiaj zrobi śniadanie? (kobieta podchodzi do łóżka i siada na skraju). Co? (patrzy na nią ze zdziwieniem).

Kobieta (w lekkim szoku): Wiesz...jestem w ciąży. Będę... będziemy

mieli dziecko (odwraca się do niego) Nawet nie wiem, kiedy to... Pewnie po przyjęciu u Mendelsonów. Pamiętasz? Powiedziałaś wtedy, że mnie kochasz... będę mamą...

Mężczyzna: Kim? Mamą?! Czeka, czeka! O czym ty mówisz? Jakie dziecko? (wstaje na łóżku, jest w majtkach) Przecież rozmawialiśmy o tym wiele razy. Otwarci ci mówiłem. Pamiętasz?

Kobieta (łamiącym się głosem): Tak, oczywiście. Pamiętam. Ale skoro tak wyszło...

Mężczyzna (zaczyna być zły): Jak wyszło?! Nie, doskonale znasz moją sytuację. To jest niemożliwe. Absolutnie. Ostrzegałem cię.

Kobieta: Ale mnie też to zaskoczyło. Nie w czas. To psuje wszystkie nasze plany. Boję się. Rozumiesz, pojawił się we mnie ktoś jeszcze. I rośnie (robi ze strachu duże oczy), rośnie, je mnie, a jak się urodzi, zaczniesz ze mnie ciec mleko... Jak w jakimś horrorze.

Mężczyzna (energicznie): Całkowicie się zgadzam! Jest podobieństwo. „Inni” albo „Obcy”, albo coś w tym stylu. (pokazuje szybką pantomimę, w której z jego brzucha w okropnych męczarniach pojawiają się potwory). Ale nie ma się czego bać – ono się przecież nie urodzi.

Kobieta: Śmierć do narodzin...

Mężczyzna: Nie załamuj mnie!!! Jeśli aborcja jest dzieciobójstwem, to onanizm jest ludobójstwem.

Kobieta: Może chociaż się zastanowimy? W końcu to i tak się już wydarzyło...

Mężczyzna: Nawet nie ma się nad czym zastanawiać! Nie jesteśmy gotowi (stawia kroki i płacze się w pościeli). Ja nie jestem gotowy! Co ze mnie za ojciec? (zagląda jej w oczy)

Kobieta (patrzy na niego uważnie): Masz rację (odwraca się)

Mężczyzna: Aaa (mruży oczy i grozi palcem, histerycznie) ty mnie najzwyczajniej w świecie wykorzystałaś. Wiedziałem! Mama mnie ostrzegała! (kilka razy triumfalnie podskakuje na łóżku) Teraz będziesz mnie szantażować. No pewnie! (naciera) Może jeszcze zaczniesz mi grozić?!

Kobieta (wstając z łóżka, cofając się) Poczekaj, po prostu nie mogę tak od razu...

Mężczyzna (goni ją, ochryple krzyczy, ona ucieka): Nie możesz tak od razu?! Poczekać?! A potem nawet się nie obejrzymy, jak skończy 14, i

będzie za późno?!

Kobieta (kuli się w kącie): Nie pozwalasz mi nawet dojść do siebie, nie pozwalasz mi wybrać...

Mężczyzna: (zawisa nad nią) Ależ proszę! (szlachetnie) Wybieraj: albo dziecko, albo ja!

Kobieta (nienawistnie, cicho): Wybieram ciebie.

Mężczyzna (uspokajając się, podchodząc do niej, obejmując za ramiona): No widzisz, bardzo dobrze (wzdycha z ulgą) Pójdę zrobić nam kawę.

Kobieta (szepcem): Boję się...

Mężczyzna: Nie bój się, jestem z tobą (wychodzi).

Kobieta zostaje sama, opuszcza głowę, chowa twarz w dłoniach, światło trochę gęstnieje, na ścianie cyka zegarek, jego dźwięk narasta. Scena się obraca.

Scena 3.

Kolejka do ginekologa. Pięć osób. Sześć krzeseł. Podchodzi nasza Kobieta, pyta, kto jest ostatni, odpowiada dziewczyna (chłodno, „pani za mną”) w nieokreślonym wieku, o krótkich włosach, w okularach, modnie ubrana i niepomalowana – będziemy nazywać ją „feministką”. W rękach trzyma laskę z gałką w kształcie głowy pudła. W kolejce są kobiety w zaawansowanej ciąży, większość siedzi, wpatrując się w iPhone’y. Słychać regularne, charakterystyczne dźwięki przychodzących wiadomości. Kobieta siada obok feministki na wolne krzesło. Z gabinetu wychodzi kobieta w ciąży, z krzesła wstaje inna kobieta, wchodzi i zamyka za sobą drzwi.

Kobieta (do feministki): Wie pani może, kto tam dzisiaj przyjmuje? Mężczyzna czy kobieta?

Feministka: Nie wiem. A co to za różnica? Najważniejsze, żeby wykonywał swoją pracę. Byłam ostatnio u takiego jednego chirurga – starsza kobieta, z doświadczeniem, ale pcha nas w nie swoje sprawy. Trafiłam do niej z podejrzeniem zapalenia wyrostka, ostatecznie stwierdziła ciążę i zaczęła mnie namawiać, żebym zostawiła. Co jej w ogóle do tego? Wkurzające to jest. Nie cierpię. Sama całe życie była niewolnikiem i nas ciągnie za sobą.

Kobieta (przysuwając się i zniżając głos): Przepraszam, a pani też... no...

na usunięcie?

Feministka (głośno): Tak, na usunięcie. (kobiety w ciąży oglądają się na nią z oburzeniem, ale ona nie zwraca uwagi). Mam nadzieję, że nie będzie tutaj tego całego cyrku z psychologiem, czasem na zastanowienie się i tak dalej. Też mi wymyśli! Tak naprawdę to ograniczanie wolności człowieka, a mnie wkurza jakiegokolwiek ograniczenie wolności! To ograniczenie podstawowego prawa człowieka do decydowania o swoim ciele i życiu.

Kobieta: Przepraszam, może nie powinnam... Pani nie po raz pierwszy? Mogłaby mi pani opowiedzieć, jak to jest? Jak to przeżyć?

Feministka: Bez przesady! A jak się migdałki usuwa? Najważniejsze, żeby nie rozwijać w sobie tego poczucia winy. Nie jest pani niczemu winna. Kobietom narzuca się wstyd, mówi się, co ma robić, kiedy, z kim. Do niczego dobrego to nie prowadzi.

Kobieta: Tak, ale aborcja to przecież... (szepcem) aborcja to (jeszcze ciszej) morderstwo.

Feministka: Co?!

Kobieta (głośniej, urywanym głosem): morderstwo...

Feministka: Jeśli aborcja jest dzieciobójstwem, to (robi pauzę) seks oralny jest ludożerstwem (ogląda się z dumą, kontynuuje, nabiera moralizatorskiego zapału): Aborcja nie jest prawem do morderstwa, tylko prawem do samodzielnego decydowania o swojej przyszłości. Za ciało kobiety odpowiada sama kobieta i nikt nie powinien się w to wtrącać. Przecież nie pyta pani nikogo o pozwolenie, chcąc sobie obciąć paznokcie? To pani paznokcie i nikogo więcej, może pani z nimi robić, co się pani żywnie podoba.

Kobieta (nieśmiało): Ale dziecko niezupełnie jest częścią kobiety, ono może nawet mieć inną grupę krwi, inne Rh, inną płęć...

Feministka (po sekundowej przerwie): Bzdury! To wszystko nie ma znaczenia! Po prostu jeszcze się pani nie zdecydowała, ma pani wątpliwości.

Kobieta (ze smutkiem): Zdecydowałam się, inaczej nie mogę postąpić. Nie mogę teraz urodzić tego dziecka, wszystko jest na nie.

Feminista: Co dokładnie?

Kobieta: No, po pierwsze mąż. Kategorycznie. Po drugie praca. Jeśli pójde teraz na zwolnienie, to wszystko, do czego tyle czasu dążyłam, weźmie w łeb. Mama też ma pracę, nie da rady mi pomagać. Jestem zupełnie sama.

Ale przede wszystkim po prostu się boję. Odpowiedzialności, kiedy już się urodzi. Jak ja sobie poradzę? Boję się samego porodu, śmiertelnie się boję, to musi być straszne... Boję się ciąży. Po prostu nie chcę tego wszystkiego. Chcę to skończyć i zapomnieć. Ale cały szkopuł polega na tym, że skończyć też się boję i boję się, że nie uda się zapomnieć...

Feministka (ironicznie, lekceważąco, gładząc głowę pudła na laseczce): No to faktycznie ciężki przypadek. Nie wiem, co powiedzieć. Po prostu ma pani w głowie pełno tych mitów o „dzieciobójstwie”. Je trzeba obalać. Wie pani, ile ludzi ma złamane życie przez to, że w porę nie zdecydowali się na podjęcie odpowiednich kroków? (czule, kładzie jej dłoń na ramię) Ma pani prawo wyboru. Niczego proszę się nie bać.

Kobieta (jak echo): Mam prawo wyboru. Najważniejsze, żeby niczego się nie bać.

Tymczasem nastaje kolej feministki. Wstaje, wchodzi do gabinetu.

Kobieta (w zamyśleniu): To moje ciało. Słyszysz? Po prostu jesteś częścią mojego ciała. Chcę, żeby ciebie nie było. Przecież cię jeszcze nie ma. Jesteś tylko kilkoma komórkami. Niczego nie czujesz. Nic cię nie boli. I niczego się nie boisz.

Scena się odwraca.

Scena 4.

Dziewczynka prasuje pośrodku swojego różowego pokoju. Przymierza na sobie wyprasowaną malutką, koronkową sukienkę, patrzy do lustra, śmieje się: „Nie, na razie jest jeszcze na mnie za mała”. Nagle zaczyna migać elektryczność. Żelazko błyska i przepala się. Wydostaje się z niego dym.

Dziewczynka (wystraszona): Co to było?! (wyciąga wtyczkę z kontaktu). Co się tam u nich dzieje? (patrzy w górę).

Na oścież otwiera się okno, pojawia się przeciąg, kakofonia głosów jak na dworcu, trzaskają drzwi, dźwięki milkną. Wchodzi listonosz, zatrzymuje się, zdejmuje czapkę, chowa do torby, wyciąga z niej kaptur kata, zakłada.

Dziewczynka: Nie wiesz może, co tam się u nich w świecie dzieje?

Kat (z ochotą): Brakuje stabilności.

Dziewczynka (z ciekawością): A dlaczego się przebrałeś?

Kat: Dlatego że przyniosłem ci złe wieści.

Dziewczynka: Złe wieści?

Kat: Tak, tutaj musisz podpisać (wyciąga papier i długopis). To pozwolenie na aborcję.

Dziewczynka (zmieszana): Na aborcję? Ale...ale ja się nie zgadzam!

Kat: To nie ma znaczenia. Zgodnie z prawem jeszcze cię nie ma (chowa papier). Możemy się obejść bez tych formalności.

Dziewczynka: Ale ja przecież jestem! Durnowate prawo jakieś.

Kat: Dura lex, sed lex, jak mówili starożytni. Innymi słowy – prawo to prawo.

Dziewczynka: No właśnie mówię, że to jakaś durnota. Skąd wy to bierzecie?

Kat (ponuro): To ochrona prawa kobiety do własnego ciała, prawa wyboru. Człowiek powinien mieć wolność wyboru.

Dziewczynka: A co ze mną...? Może oni czegoś nie rozumieją?

Kat (niechętnie): Pewnie tak...To co, zaczynamy?

Dziewczynka: Czekaaj, czekaaj... Może oni nie wiedzą, że to mnie boli? Że się boję? I że nie chcę umierać?

Kat: Wiedzą. Ale ukrywają to przed sobą.

Dziewczynka: I nic z tym nie można zrobić?

Kat: Nic.

Dziewczynka: Ale przecież to jest podłość.

Kat: Tak, ale nie wolno się na nich gniewać. Oni nie są winni... skończeni idioci. No to co, jesteś gotowa?

Dziewczynka (szlochając): Nie, nie jestem. Czekaaj. Daj mi pomyśleć. (kat patrzy na zegarek, zaczyna odmierzać czas) Boję się. Bardzo się boję. Co ze mną będzie?

Kat: Nie będę cię okłamywać. Będzie bolało. Ale niedługo.

Dziewczynka: A później?

Kat: Później ty będziesz, ale ciebie nie będzie. Niestety, po aborcji nie można się urodzić ponownie. Trafia się do takiego miejsca, z którego nie ma wyjścia. Jakby... taki słoik. Albo... głęboka studnia. Nie ma tam dźwięków, światła, są tylko ci, z których zrezygnowano. W milczeniu pelzają po sobie nawzajem, chcą jeść, spać i na ręce. Czasami cichutko płaczą. Nie chcę cię okłamywać. Mówię, jak jest naprawdę. Jesteś gotowa?

Dziewczynka: Jeszcze chwilę! (przez pewien czas milczy, potem spokojnie mówi): A mama? Jak ona będzie żyć po czymś takim?

Kat (z zadowoleniem): To akurat jest dobra wiadomość! To zależy od

ciebie.

Девочка: Ode mnie?

Kat: Tak. Możesz życzyć jej, żeby nigdy więcej nie miała dzieci albo żeby urodziły się chore, będzie je kochała, a one potem umrą. Możesz życzyć, żeby zachorowała na raka i umarła. W strasznych mękach. Możesz nawet życzyć, żeby popełniła samobójstwo. Albo żeby po prostu całe życie przeżyła w ponurej samotności. I uwierz mi – to się spełni.

Dziewczynka: A mogę życzyć jej szczęścia?

Kat (wzruszając ramionami): Możesz.

Dziewczynka (z powagą i odpowiedzialnością, nie impulsywnie, spokojnie): To w takim razie życzę jej szczęścia. Życzę, żeby nie chorowała, żeby była zdrowa i wesoła. I żeby samobójstwo nawet jej do głowy nie przyszło. Żeby urodziła dziecko, kiedy będzie na to gotowa. Albo nawet dwoje... Powiedz, proszę, ona dała mi imię?

Kat (starannie zapisuje życzenia do notatnika): „Albo nawet dwoje...” Imię? Nie, nie dała (patrzy na zegarek). Wybacz, ale muszę zaczynać – czas ucieka. Gotowa?

Dziewczynka: Nie!

Kat: No przecież ile można odwlekać?! Dłaczego ciągle nie jesteś gotowa?

Dziewczynka (cyka językiem i rozkłada ręce): Z braku motywacji!

Kat (podbiega do niej, ona ucieka, wygląda to jak gra): No dobra, zaraz cię złapię!

Dziewczynka (przebiega po krzesłach i stole, śpiewnie): Świat próbował mnie złapać, ale mu się nie udało!⁶

Kat (ze zdziwieniem): Nieźle! Skąd znasz Skoworodę?!

Dziewczynka (przepelzając pod stołem w drugą stronę): Jaką znowu siwą brodę? Jak u Dziadka Smurfa?

Kat: A Smerfów skąd znasz?

Dziewczynka: Przecież każdy ich zna.

Dziewczynka (nagle jęczy, blednie, łapie się za rękę): Nie czuję ręki (zakłopotana, patrzy na kata). Ojej, w głowie mi się kręci (chwije się). W pokoju pojawiają się istoty w czarnych, obcisłych kostiumach, pończochach na głowie i białych rękawiczkach. Zaczynają popychać dziewczynkę, obracać, trząść, podnoszą ją i opuszczają.

⁶ Przeł. Krzysztof Tyczko

Kat tymczasem wyciąga z torby i wyklada na desce do prasowania, którą wcześniej zaściela wyprasowaną dziecięcą pieluszką, straszne instrumenty medyczne.

Dziewczynka (krzyczy żałośnie): Proszę, poczekaj, nie jestem jeszcze gotowa! Proszę cię! (kat bierze skalpel i idzie w jej kierunku) Boję się! Nie!

Gaśnie światło. Słysząc spazmatyczny, dziecięcy płacz. Trwa to kilka sekund. Następnie w jednej chwili cichnie. Przez pewien czas panuje cisza i ciemność.

Epizod 5.

Pokój z kwadratowym łóżkiem. Przy stole siedzi wyprostowana kobieta. Głowę ma owiniętą ręcznikiem. Stoi przed nią szklanka z wodą. Cicho tyka zegarek na ścianie. Kobieta bierze buteleczkę, wpuszcza krople do szklanki, liczy: dwa trzy...pięć, sześć siedem... (niektóre cyfry wypowiada niesłyszalnie, inne na głos), dwadzieścia pięć, dwadzieścia sześć... trzydzieści. Podnosi szklankę do ust, waha, marszczy się, odstawia na stół.

Kobieta (z ożywieniem, w stronę widowni): Nie da się pić tego świństwa. Ale bez niego nie śpię. Nie mogę zasnąć. Jutro mam ważne spotkanie, muszę być wypoczęta. Sen powoli uchodził ze mnie, aż ostatecznie mnie opuścił. Tak naprawdę boję się zasypiać. W nocy śni mi się, że czołgam się w ciemności w czymś oślizłym, pachnącym krwią, poruszającym się, żywym. Ta babranina nie ma końca. Budzę się zrana zimnym potem. Po raz pierwszy przyśniło mi się to jeszcze wtedy. Od razu. Pierwszej nocy po aborcji. W życiu wszystko mi się układa raczej dobrze. Co prawda rozstaliśmy się z mężem. Nie mogłam po tym na niego patrzeć. Ale kariera mocno poszybowała, nie mogę też narzekać na brak mężczyzn. Tylko cały szkopał polega na tym... że to wszystko jest mi niepotrzebne. Zupełnie. To czego w takim razie potrzebuję? Tylko tego jednego. Mojego dziecka. I żebym go wtedy nie zabiła (wypija duszką krople). Śmieszne. Wiersze zaczęłam pisać. Wcześniej ich nawet nie czytałam, a tu masz (śmieje się ostro i przerażająco).

Deklamuje:

kim jestem? ani koloru oczu skóry włosów

pamięci głosu ani nawet wieku i imienia
nie doczekałam się za życia
w kosmosie matki w ciepłej niszy
pełnej oddechu i kołysania
więc kim jestem jeśli nie tobą? powiedz proszę
o czym one myślą co mają na bezmyśli
straszne idące zabić swoje dziecię?
horror krwawe palce nocna straż
zarzynająca bezbronno bezzębnego
płaczącego zachłystującego się całym sercem
wołającego mamę bo kogoż więcej?
a gdy wszystko już skończone mogą chodzić rozmawiać
wyglądać jak zwykli ludzie
jak nie-zabójcy i może się wydawać
że na ich duszach nie ma ani kropli krwi
że nie są potworami że ich Bóg nie ukarze
że postąpiły dobrze⁷

Wstaje z krzesła, ściąga ręcznik z głowy, rzuca na podłogę. Włosy ma rozczochrane. Mówi:

Boże, gdyby tylko można było wszystko cofnąć. Proszę, proszę cię! (wygląda, jakby do reszty postradała zmysły, w oczach ma łzy). Przecież ty możesz wszystko cofnąć?! Nie dla mnie – nie, nie – ja nie zasłużyłam. Dla niej (płacze). Dałam jej nawet imię... Masza. Maszeńka. Nikomu nie mówiłam, tylko tobie (klęka). Wiem, że to niemożliwe – ale daj mi ją z powrotem, daj nam jeszcze jedną szansę (kładzie się na podłogę, szepcze). Proszę... Proszę...

Akt 2.

Scena 1.

Kolejka do ginekologa. Kobieta siedzi obok feministki. Rozgląda się, zakłopotana, podczas gdy feministka mówi.

Feministka (niespodziewanie grasejując, jak Lenin): Aborcja nie jest prawem do morderstwa, tylko prawem do samodzielnego decydowania o swojej przyszłości. Za ciało kobiety odpowiada sama kobieta i nikt nie

⁷ Przeł. Krzysztof Tyczko

powinien się w to wtrącać. Przecież nie pyta pani nikogo o pozwolenie, chcąc sobie obciąć paznokcie? To pani paznokcie i nikogo więcej, może pani z nimi robić, co się pani żywnie podoba.

Kobieta (zdecydowanie): Ale w tym sensie dziecko zupełnie nie jest częścią kobiety, ono może nawet mieć inną grupę krwi, inne Rh, czy też inną płęć.

Feministka (zastanowiwszy się przez moment): Bzdury! To wszystko nie ma znaczenia! Po prostu jeszcze się pani nie zdecydowała, ma pani wątpliwości.

Kobieta (radośnie): Ależ skąd, zdecydowałam się! Inaczej nie mogę postąpić! Nawet sobie pani nie wyobraża, jakie to szczęście! Jaka ja jestem szczęśliwa! Naturalnie, urodzę to dziecko. Ale też rozumiem panią bardzo dobrze. Pani po prostu się boi. To jak podczas blokady na wojnie, kiedy kobiety zabijały niemowlęta i zjadały je, aby przeżyć. A gdy następował czas pokoju, wieszaly się, dlatego że po czymś tak podłym już nigdy nie będzie dobrze. Szkoda, że nikt nie prowadzi podobnej edukacji seksualnej. Zakazy nic nie dadzą. Zakaz dany przez kogoś z zewnątrz zawsze można obejść.

Feministka (sucho): Nie rozumiem, o czym pani mówi.

Kobieta: Ja też nic nie rozumiem. Ale proszę pamiętać, że pani też ma drugą szansę. Pani też może urodzić syna. Wiem na pewno, że to będzie syn. Tylko niech pani nie pyta, skąd. On będzie taki wysportowany, będzie lubić koszykówkę. Chłopak z charakterem. Ciemnowłosa, śniady... I chociaż w dzieciństwie będzie kaprysić przy jedzeniu, ciężko zachoruje na odrę, w szkole nie raz będzie się pani czerwienić z powodu jego wybryków, i ożeni się z tą idiotką z długim, jasnym warkoczem z Sołncewa – bez względu na to wszystko ani razu pani nie pożałuje, że go urodziła.

Feministka: Pani to się chyba leczyć powinna. Do złego lekarza pani przyszła.

Kobieta (wesoło): A ja w ogóle nie muszę iść do żadnego lekarza. Muszę iść do domu (wychodzi).

Feministka (do kobiety): Wariatka! I skąd ona niby wie, że to będzie chłopiec?

Z gabinetu wychodzi kolejna kobieta w ciąży, feministka rozgląda się – nikogo więcej nie ma, wchodzi.

Scena przesuwa się.

Scena 2.

Gabinet ginekologa. Przy stole siedzi taka sama feministka – okulary, fryzura – tylko stara. Coś pisze. W gabinecie oprócz stołu i krzeseł stoi parawan.

Ginekolog (surowo): Proszę wejść, proszę siadać (pokazuje na krzesło przy stole). Zakładamy kartę ciąży?

Feministka (niezyczliwie): Nie. Usuwamy.

Ginekolog (ze spokojem, bez cienia wątpliwości): Świetnie.

Feministka: Co – świetnie?

Ginekolog: Że zamierza pani usunąć.

Feministka: Dlaczego?

Ginekolog (podnosząc wzrok znad dokumentów i odkładając długopis): Jak by to pani powiedzieć? Niektórzy ludzie nie powinni rodzić (patrzy jej prosto w oczy). Niektórzy nie powinni się rozmnażać.

Feministka (swarliwie): Skąd pani w ogóle może wiedzieć, że nie powinnam się rozmnażać?

Ginekolog: Intuicja (z podniesionym palcem wskazującym). I doświadczenie.

Feministka (zrywając się): A idźcie wy wszyscy w cholerę! Usunąć już nawet spokojnie nie można.

Ginekolog: Kochaniutka, niech się pani uspokoi. Nikt nie ogranicza pani praw, wręcz przeciwnie. Jestem obiema rękami i nogami za tym, aby pani w pełni z nich skorzystała. Jest pani ostatnia. Proszę wejść za parawan, wszystko zrobimy na miejscu (puszcza oko). Szybko i niedrogo. Tylko najpierw zerknijmy na USG.

Speszona feministka wchodzi za parawan w ślad za ginekologiem.

Ginekolog: Mhm... Mhm... Teraz będzie trochę zimno. Chce pani poznać płęć? Chłopiec.

Scena się odwraca.

Scena 3.

Różowy pokój. Dziewczynka rozgląda się w nim ze zdziwieniem. Wbiega zdyszany i spocony listonosz z czapką na bakier.

Dziewczynka: Co się stało? Jak ja się tu znalazłam?

Listonosz: Nawet nie pytaj. Mam dziś zwariowany dzień. Aż dwa zwroty. Przy obu trzeba załatwić formalności. Podpisz (podaje dokument i długopis). Tu (pokazuje palcem).

Dziewczynka (bierze długopis, zamyśla się): To podpisywanie jest konieczne? Może można się obejść bez niego? Jak ostatnio...

Listonosz: Coś ty! W żadnym wypadku. Trzeba podpisać.

Dziewczynka: To ma znaczenie? Ja mam znaczenie?

Listonosz: Ooo! Oczywiście! Jeszcze jakie! (puszcza do niej oko)

Dziewczynka (starannie podpisuje): No dobrze. Proszę bardzo.

Listonosz zabiera jej dokument. Wyciąga przed sobą, podziwia, następnie ostrożnie składa na pół i chowa do torby.

Listonosz: Dobra, muszę dać do podpisu jeszcze jeden taki papier. Pewnemu wrednemu chłopakowi. Łatwo z nim nie będzie, pewnie się nie zgodzi tak od razu. Pokazuje charakter! W mamę się cały wdał.

Dziewczynka (uśmiecha się): A dlaczego mnie wtedy oszukałeś?

Listonosz: Kiedy?

Dziewczynka: No wtedy. Kiedy powiedziałeś, że ona nie dała mi imienia.

Listonosz: A dała? Nie wiedziałem.

Dziewczynka (uśmiecha się): A ja wiedziałam. Zawsze wiedziałam.

Listonosz: No więc jak masz na imię?

Dziewczynka zamierza odpowiedzieć. W tym momencie zza sceny słychać głos: „Ej, ty, długo jeszcze mam na ciebie czekać?”. Na scenę wychodzi śniady, czarnowłosy młodzieniec o sportowej budowie ciała. Dostrzega dziewczynę i nagle się zatrzymuje. Widać, że wywarła na nim wrażenie. Dziewczynka jest zawstydzona. Chłopak również się jej spodobał.

Młodzieniec (do listonosza, nie spuszczać z oczu dziewczynki): Kto to jest?

Listonosz: Poznajcie się, to twoja przyszła żona.

Młodzieniec: Co ty gadasz! Niemożliwe. Taki fajny dzień dzisiaj. Od samego rana. Przyjacielu, idź już, chciałbym się z nią poznać. W końcu to żona.

Listonosz: Dobra. Idę. Tylko zachowuj się przyzwoicie. Pograjcie sobie na przykład w szachy. Albo muzyki posłuchajcie. Zaraz wam włączę moją ulubioną piosenkę.

Młodzieniec w milczeniu podchodzi do dziewczyny, patrzą na siebie.

Listonosz wyciąga z kieszeni na piersi długi przedmiot podobny do termometru i skierowuje go gdzieś ku górze. Włącza się „Alleluja”. Scena się obraca.

Scena 4.

Pokój z kwadratowym łóżkiem. Kobieta siedzi wyprostowana przy stole. Głowę ma owiniętą ręcznikiem. Przed nią stoi szklanka z wodą. Cicho tyka zegar na ścianie. Kobieta bierze buteleczkę, obraca w palcach, przeciera coś niewidocznego, stawia na miejsce. Nagle zaczyna migać elektryczność. Żarówka błyska i przepala się. Pokój pogrąża się w mroku rozświetlanym tylko przez odbłask ulicy z okna. Na tle świecącego się kwadratu z zewnątrz pojawia się figura mężczyzny – człowiek wskakuje do pokoju. Kobieta wzdyga się, ale się nie odwraca. W figurze mężczyzny daje się rozpoznać kata.

Kobieta (ze znużeniem): W końcu jesteś! Czekam na ciebie, od kiedy nie pamiętam.

Kat w milczeniu wyciąga z torby i kładzie przed kobietą wezwanie i długopis.

Kobieta (z roztargnieniem popatrzawszy na wezwanie): Taki cudowny sen mi się przed chwilą śnił. Ale słabo go pamiętam, tylko malutki kadr. Jakbym go musiała siłą wyciągać na takiej bardzo cienkiej gumce, a on z powrotem chował się w ciemności i nie chciał wyjść. Nie wiesz może, jak się przypomina sny?

Kat: A mnie pamiętasz?

Kobieta: Niezupełnie... A kim byłeś?

Kat (śpiewnie): „Tym tylko byłem/ czego ty dotknęłaś dłonią...”⁸. (wstaje z krzesła, staje za plecami kobiety, kładzie jej ręce na ramiona). Bardzo zawiniłem wobec ciebie. Wiesz, miałem takie psie życie. Mama nie chciała mnie urodzić, po prostu się spóźniła... Pamiętam, że kiedy byłem mały, nie miałem nawet łóżka. Spałem na skrzyni. Twardej i spadzistej. Często w nocy budziłem się, ponieważ spadałem z niej i uderzałem się w głowę. Pewnie dlatego wyrosłem na takiego debila. (Obchodzi kobietę, siada na stole, plecami do niej) Pewnego razu mamę zabrali do szpitala. Do naszego miasta rejonowego. Ojciec pojechał za nią. Zostałem sam. W domu nie

⁸ Josif Brodski, *Tym tylko byłem*, Przeł. Wiktor Woroszyński.

było ani grama jedzenia. Nic. Następnego dnia z głodu zrobiło mi się słabo, wyszedłem na ulicę i zacząłem szukać na ziemi. Za domem sąsiadów znalazłem obierki z ziemniaków. To one mnie uratowały.

Kobieta: Ile wtedy miałeś?

Kat: Sześć lat. A po dwóch dniach rodzice wrócili z malutkim bratem. Później dużo o wszystkim myślałem. Pamiętasz Kevina Cartera, zaszczutego fotografa, który w efekcie popełnił samobójstwo? Z powodu zdjęcia, na którym widać umierającą ciemną dziewczynkę i cierpliwie czekającego sępa. Że sfotografował, a nie pomógł. Przy czym w Somalii z powodu głodu i suszy umiera dwa miliony dzieci. Nikt ich nie ratuje. Myślałem, czy nie byłoby większym miłosierdziem nie męczyć ich krótkim życiem i długim bezsensownym bólem? A niechciane dzieci, których matki nie zdołały pokochać. Może ich nienawidzą i szepczą im po nocach: „Umrzyj, umrzyj, dlaczego nie umierasz!” Jak w tym filmie, no, Ingmara Bergmana. Zapomniałem tytuł...

Kobieta: „Persona”.

Паяц: Tak! „Persona”. Rozumiesz? Pozostawienie przy życiu – to też odpowiedzialność, ważna decyzja.

Kobieta: Ale czym wobec mnie zawiniłeś?

Kat: Nie tylko wobec ciebie. Są jeszcze inne. Jednej nie udało mi się namówić.

Kobieta: Namówić do czego?

Kat: Ona mówi: „Nie mogę – czuję, że tam w środku ono jest żywe. Od pierwszych dni.” Wyobrażasz to sobie? Czuję, mówi, jego świadomość we mnie, jego smaki. Wcześniej na przykład nie chciało mi się soku pomidorowego i pastylek miętowych, a teraz dnia nie mogę bez nich wytrzymać. Tłumaczę jej: „Ale to po prostu twój organizm potrzebuje konkretnych substancji.” A ona na to: „Ale cały czas jest coś innego. Mama ze mną pochłaniała różne bułeczki. A z siostrą zielony groszek. Nie mogła się oderwać”. Próbowałem z nią na wszystkie sposoby, ale o jakiej logice tu w ogóle może być mowa? Uparła się. Powiedziała, że to kobieta podejmuje decyzję. I możesz mi nie pomagać. Ciężko nam będzie z dzieckiem, ale co zrobić? Jeśli by każdy, komu jest ciężko, gnębił kogoś innego, żeby zrobiło się lżej, to to by było jakieś piekło. I w ogóle – mówi – kto powiedział, że wszystko powinno być takie proste. I urodziła nam córkę. Na początku kaprysiłem, rzecz jasna, ale potem i tak się z nią

ożeniłem.

Kobieta: Bardzo dobrze postąpiłeś. A powiedz, proszę – ta twoja praca... Jak myślisz, to kara za to, że tamte udało ci się namówić?

Kat: Hm. Jak dla mnie to nagroda, tylko nie wiem za co. Zrozumiałem za to jedno: że nie można zabronić zabić, ale i zabić nie można. Tylko to musi iść od środka, nie z zewnątrz.

Kobieta: A wiesz, że w Korei Południowej urodziny obchodzi się od momentu poczęcia?

Kat: No jest w tym logika! Poza tym zauważyłem, że zwolennicy aborcji to ludzie, którzy zdążyli się już urodzić.

Kobieta: Powtarzasz za Ronaldem Reaganem!

Kat (uśmiecha się): Tak, ale prawda nie blaknie od powtarzania.

Kobieta: A to powiedział Hodża Nasreddin.

Kat: Widzisz, pamięć do ciebie wraca. Swój sen niedługo też sobie przypomnisz.

Kobieta: Przypomniałam sobie wiersz. Tylko nie pamiętam autora:

Kiedy byłaś we mnie kropeczką
(twój ojciec wówczas nalegał),
myśleliśmy o tobie, córeczko –
zostawić czy nie odwlekać?

Twoje dorodne warkocze,
nieomylną twą pamięć
i jak zagładasz nam w oczy:
„nie odwlekać czy zostawić?”⁹

⁹ Andriej Wozniesienskij, *Mówi mama*, przeł. Krzysztof Tyczek.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Макушинский.

Предисловие. О пьесах Нади Делаланд (3)

ДУРАЛЕКС. Пьеса

 Действие 1. (5)

 Действие 2. (17)

ОДИН ЧЕЛОВЕК. Монопьеса (25)

#metoo. Пьеса (41)

DURALEX. Przeł. Krzysztof Tyczko (55)

Литературно-художественное издание

Делаланд Надя

Один человек

Пьесы

Художник С. Иванова

Корректор Е. Кукина

подписано в печать 26.03.2022

печать цифровая

бумага офсетная

формат 84х60/16

отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии "ИЦ Издательские технологии"
г. Люберцы, Октябрьский пр-т, 249

тираж 100 экз.

ISBN: 978-5-517-04503-4

